

ISSN 2076-3883

Ф И Л О С О Ф С К О Е О Б Р А З О В А Н И Е

В е с т н и к
Ассоциации философских факультетов
и отделений

1(5), 2014

Москва — Санкт-Петербург
2014

*Рекомендовано к публикации
Бюро Санкт-Петербургского философского общества
и Ученым советом философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Редакционный совет:

Председатель АФФО	В. В. Миронов (МГУ)
Сопредседатель АФФО	Ю. Н. Солонин (СПбГУ)
Сопредседатель АФФО	С. И. Дудник (СПбГУ)
Сопредседатель АФФО	В. С. Диев (НГУ)
	А. А. Гусейнов (ИФ РАН)
	В. А. Лекторский (ИФ РАН)
	В. С. Степин (ИФ РАН)
	Г. В. Драч (ЮФУ)
	А. В. Перцев (УрФУ)
	С. С. Аванесов (ТГУ)
	М. Д. Щелкунов (ПФУ)

Редакционная коллегия:

Главный редактор	В. М. Дианова (СПбГУ)
Ответственный редактор	А. А. Кротов (МГУ)
Члены редколлегии	В. Н. Белова (СГУ)
	М. И. Билалов (ДГУ)
	Е. В. Борисов (ТГУ)
	Е. В. Брызгалина (МГУ)
	А. Е. Рыбас (СПбГУ)
	В. П. Горан (НГУ)
	О. Н. Томюк (УрФУ)
	Н. В. Кузнецов (СПбГУ)
	В. Н. Порус (НИУ ВШЭ)
	А. В. Тихонов (ЮФУ)
Ответственный секретарь	Д. А. Гусев (СПбГУ)

Ф56 **Философское образование:** Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 1(5) 2014. — М.; СПб., 2014. — 136 с.

ISSN 2076-3883

ББК 74

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Никитин В. Е.</i> Истина как ценность и иллюзия (из размышлений над текстами Ницше).....	5
<i>Суворов Н. Н.</i> Производство и разрушение истин: стратегии творчества.....	12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Магомедов К. М.</i> Некоторые составляющие новой концепции образования.....	20
<i>Баева Л. В.</i> Проектное обучение в современном вузе: опыт применения стандартов СДИО для подготовки студентов социогуманитарных направлений.....	28

ФИЛОСОФИЯ В ВЕДУЩИХ УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ

<i>Ажимов Ф. Е.</i> История философского образования на Дальнем Востоке России.....	37
---	----

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДЫ И ОПЫТ

<i>Рыбас А. Е.</i> Основные подходы к изучению истории русской философии.....	42
<i>Смирнов А. В.</i> Методические аспекты преподавания культурфилософской теории предметной среды.....	64
<i>Прокудин Д. Е.</i> Методические основы преподавания информатики и информационно-коммуникационных технологий бакалаврам философских специальностей.....	73

О ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКЕ

- Орнатская Л. А.* Проект философии культуры Х. Петцольда:
философия культуры и эстетика..... 84
- Соколов А. М.* Эротософия как античный образовательный принцип... 100

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

- Дианова В. Н.* Всемирный Философский конгресс в Афинах..... 108
- Кудашов В. И.* Всероссийская научная конференция в Красноярске
о глобальном будущем..... 116

АННОТАЦИИ..... 125

SUMMARIES..... 130

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ..... 134

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

ИСТИНА КАК ЦЕННОСТЬ И ИЛЛЮЗИЯ (ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ НАД ТЕКСТАМИ НИЦШЕ)

В. Е. Никитин

Интерпретируя взгляды Ницше, и пытаясь постигнуть логику и смысл его рассуждений, часто испытываешь такое ощущение, как будто находишься на огромной стройплощадке, на которую доставлены и разложены в причудливом порядке сложные конструкции. Все это указывает на колоссальность сооружения и в какой-то степени говорит о его замысле, но само сооружение отсутствует. Если бы кто-то сейчас представил к защите диссертацию, сотворенную по образу и подобию «Воли к власти», он никогда бы ее не защитил. Известные толкователи Ницше, такие, как Хайдеггер и Ясперс, в основном склонны интерпретировать его идеи в горизонте собственных установок и концепций. И здесь Ницше становится порой неузнаваем. Особенно это относится к творчеству Хайдеггера. Путь, который я избрал в этом исследовании, пролегает где-то между смыслами Ницше и мыслями его интерпретаторов. Поэтому утлую ладью автора прибивает бурным течением этих мыслей то к одному, то к другому берегу. А иногда он просто оставляет весла и отдается стихии этого потока. В связи с этим он заблаговременно просит извинить за извилистость пути, за причудливость маршрута и уж тем более за его финал. Некоторым оправданием при этом, может быть, будет мнение К. Ясперса, который полагал, что идеи Ницше, нацеленные на раскрытие смысла истинности, едва ли можно связать в единую систему.

То, что мы называем познанием, является, по Ницше, средством, обеспечивающим человеческое выживание в мире, средством, кото-

рое обеспечивает человеку захват природы и господство над ней. «Так называемое познавательное стремление сводится к захвату и одолеванию, под влиянием этого стремления шло развитие чувств, памяти, инстинктов и т. д.»¹. Мысль для того времени не оригинальная. Ее, в частности, высказывали представители позитивистской традиции и, прежде всего, Авенариус и Мах.

Отнюдь не удивление — говорит Ницше — лежит в основе познавательного устремления, как полагал Аристотель. У Аристотеля индивидуальное психологическое переживание делается причиной стремления к истине. Это объяснение, по Ницше, носит феноменальный характер (здесь термин «феноменальный» не содержит никакого намека на современную феноменологию). Объяснение Аристотеля феноменальное, то есть воображаемое, надуманное, чисто иллюзорное. Стремление к познанию укоренено не в человеческой психологии (не в актах удивления и любопытства, присущих отдельным индивидам), оно укоренено в воли к власти и имеет не психологическую, а метафизическую природу. Стремление к познанию должно служить в человеке прогрессу жизни, ее распространению и напору. «Наши потребности, вот что истолковывает мир; наши влечения и их «за» и «против». Всякое влечение есть известный вид властолюбия, всякое влечение имеет свою перспективу, которую оно хотело бы навязать как норму всем другим влечениям»².

Познание и, в частности, познание научное имеет своей задачей выработку и навязывание норм и правил поведения в мире. «Не существует ни «духа», ни разума, ни мышления, ни сознания, ни души, ни воли, ни истины: все это фикции, ни к чему не пригодные. Дело идет не о «субъекте и объекте», но об определенной породе животных, которая может процветать только при условии некоторой относительной правильности, а главное — закономерности ее восприятий... Для того, чтобы определенная порода могла удержаться и расти, она

¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 243.

² Там же. С. 281.

должна внести в свою концепцию реальности столько, ... чтобы на этом можно было построить схему поведения. Полезность с точки зрения сохранения, а не какая-нибудь абстрактно-теоретическая потребность не быть обманутым, служит мотивом к развитию органов познания... они развиваются так, чтобы результатов их наблюдений было достаточно для нашего сохранения. Иначе говоря, мера желания познать зависит от меры роста воли к власти в сказанной породе; каждая порода захватывает столько реальности, сколько она может одолеть и заставить служить себе³.

Вступление Ницше на почву науки вполне искренне и, можно сказать, вдохновенно, но иногда по-дилетантски неуклюже и наивно. Мы же здесь сосредоточимся не на научных интересах Ницше, а на его понимании сущности науки. Существенным признаком науки, по Ницше, является метод. «Наиболее ценные открытия делаются позднее всего: наиболее ценные открытия — это методы»⁴. Метод — это то, что дает власть познающему. Истинное знание бывает только благодаря методу. Преимущества методологического познания, по Ницше, можно свести к следующим пунктам:

- Преодоление субъективизма. Выход за рамки индивидуально-неповторимого опыта. Метод всегда интерсубъективен и в этом смысле объективен и его результаты достоверны.
- Метод делает возможным предметное исследование конкретных вещей и их свойств. Он имеет узкую направленность, он «затачивается» под конкретный предмет, под решение определенных задач.
- Метод разрушает «абсолютное познание» и делает его адресным, локальным.
- Научная методология полезна для развития интеллекта. Человеку, посвятившему себя мыслительной деятельности, необходимо основательно изучить, по меньшей мере, одну науку: тогда он все же будет знать, что такое метод и как необходима крайняя рассудительность.

³ Там же. С. 280.

⁴ Там же. С. 275.

Но научное знание фрагментарно, оно не дает целостного представления о мире и не способно проникнуть в глубины человеческого духа, в глубины экзистенции. Есть глубины не доступные никаким методам и никаким наукам, существуют ужасные силы, противопоставляющие научным истинам истины совершенно иного рода. Научное познание не способно ставить никаких целей для жизни, оно не указывает человеку пути. Поэтому «не существует никакой установленной гармонии между споспешествованием истине и благом человечества»⁵. Следовательно, научное познание, с одной стороны помогает существовать в мире, но, с другой стороны, уводит от жизни.

Жизнь есть становление, которое не подчиняется логике и разуму. Это становление, в котором являет себя воля к власти. И чем выше уровень жизни, тем очевиднее в нем являет себя воля к власти. Поэтому, жизнь делает вечные истины иллюзиями. В конечном счете, Ницше приходит к выводу, что истина есть соответствие знания действительности, легитимность которого устанавливается самим познающим. При этом он различает истины научные (методические) и истины экзистенциальные (живые).

Истина должна быть говорящей, то есть сообщаемой. При этом истина остается собой лишь в той мере, в какой она понята и способна убеждать, но она беспомощна, если старается только уговаривать. Она может сколько угодно сообщаться, навязываться, но, если она не достигла понимания у тех, кому адресована, она остается пустой декларацией. Такова, например, судьба марксистской истины о коммунизме, как новой стадии общественного развития.

Безразличие к истине лишает ее ценности. Ценность же истины в ее эффективности. Но, если я стремлюсь к эффекту, то я уже стремлюсь не к истине, а к ее последствиям. И мне глубоко безразлична истинность этой истины. Мне в этой ситуации важна вера других в то, что утверждение истинно и важен результат этой веры. Также истина

⁵ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Собр. соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 458.

должна быть вплетена в контекст власти, которая ее разделяет и поддерживает. Это может быть власть политическая или власть научного сообщества, основанная на авторитете. При этом, власть может допускать истину и помогать ей быть услышанной или препятствовать в этом. В субъективном плане истина зависит от властной воли того, кто ее мыслит. В его власти сообщать истину другим или беречь от посторонних глаз, скрывать от сообщества. Так, многие философско-религиозные школы древности носили закрытый характер.

При этом сама истина не является властью. Она должна или привлекать власть на свою сторону или отдаваться под покровительство власти. Но как первое, так и второе далеко не всегда возможно. Власть покровительствует только нужным ей истинам, ибо она действует прагматично и целерационально. Поэтому, Истина есть орудие власти и в этом ее ценность, но в плане отношения к действительности — она иллюзия и имеет чисто феноменологический характер. И в этом позиция Ницше во многом перекликается со взглядами софистов.

Также истина нуждается в вере познающего, ибо тотальное сомнение делает ее невозможной. В начале пути к истине лежит вера. Вера в истину предшествует истине. Например, утверждение Коперника о том, что Земля вращается вокруг Солнца, следовало не из результатов астрономических наблюдений, а из его доверия к тексту Гермеса Трисмегиста, согласно которому солнце является материальным воплощением божества в мире. Но, с другой стороны, вера в истину является угрозой для самой истины. Это происходит тогда, когда вера в истину становится критерием самой истины. В случае с тем же открытием Коперника Римская церковь весьма неоднозначно относилась к Гермесу Трисмегисту, но в этом вопросе была склонна ему не доверять, так же как и самому Копернику.

Каждая вера считает себя истинной. Но критерии истинности веры отличаются от критериев научной, методической истины — говорит Ницше. Критерий истинности веры — ее эффект, показатель жизненной силы, которую она сообщает верующему. Истинность веры не нуждается ни в каких методах исследования и не зависит от объективного опыта. Она или есть или ее нет. Научная истина может,

наоборот, этих сил лишать, может быть вредной для ее автора (судьба Галилея). Удовольствие, блаженство от истины не являются ее критериями. Господство воли к счастью ведет к утрате истины. Счастливый не нуждается в истине. Счастье — это бытие вне истины. Счастье приносит вера, но не наука. И, когда философия начинает рассуждать о счастье, она покидает почву науки и истины. Но следует также остерегаться и страдания во имя истины: «Скройтесь! И наденьте свою маску и хитрость, чтобы вас путали с другими!... Мученичество философа, его «принесение себя в жертву истине» обнаруживает то, что было в нем скрыто агитаторского и актерского»⁶. Но без надежной веры человек нежизнеспособен. Мы все — подчеркивал Ницше — зависим от веры, как от первоисточка. И Ницше также живет со своей верой и делает это весьма сознательно: «моя вера», «мы, люди иной веры» — говорит он. Но его вера — это не вера, которая делает его блаженным, как говорит он сам. Говорит, но не раскрывает ее секрета другим.

В заключение хочется поставить вопрос о судьбе современной философии в свете сил жизни, сопутствующим ее истинам. Насколько наша современная философия, выражаясь языком Ницше, говоряща и понимаема? Насколько она вплетена в контекст власти? Насколько прочна вера в ее истины?

Она все менее становится говорящей. Философы иногда говорят друг с другом о философии. В основном, в дни конференций. Иногда читают друг друга, но еще реже, а чаще самих себя. Слабый голос ее еще слышен в университетских аудиториях, но за пределами оных почти не прослушивается.

Философские истины не вплетены в контекст современной власти. Можно сказать больше, она в них явно не заинтересована. Ей ближе и удобнее опираться на людей в черном, на нашу церковь, для которой в последние века нашей истории ближе государство и власть, нежели страдающий от этой власти народ.

⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Собр. соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 261.

Вера в философские истины становится уделом самих философов. У нас нет оснований полагать, что философские истины нужны человеку массы, которая становится неким болотом с примитивными формами жизни. У нас нет также оснований для надежды, что результаты усилий современной философии могут быть востребованы властью, которая в своих действиях, основанных на выгоде и интересе, склонна игнорировать не только мнения философов, но и результаты фундаментальных исследований, проводящихся в области социальных и гуманитарных наук. Но нам остается вера, что философские истины есть и они необходимы человеку, тому человеку, который не может смириться с этой болотной участью.

Вместе с тем, ныне явно преобладают обстоятельства, которые не склоняют к оптимизму. Мне кажется, что одна из основных ошибок или недальновидностей Ницше заключается в том, что человек не оказывается, как мы теперь начинаем видеть, высшим проявлением воли к власти. Он как бы передает ныне эту эстафету машине и техническому разуму. Теперь он сам становится очередной жертвой воли к власти, предметом ее всеуничтожающего вождения. Сверхчеловек, становление которого мы наблюдаем ныне — это продукт развития технократической цивилизации, в котором дионисийское половодье чувств заменяется холодным целерациональным техническим разумом. Сверхчеловек — это современный кентавр, органическое единство машины и человека, в котором упраздняется духовное начало. И мы ныне являемся свидетелями и участниками этого трагического события.

ПРОИЗВОДСТВО И РАЗРУШЕНИЕ ИСТИН: СТРАТЕГИИ ТВОРЧЕСТВА

Н. Н. Суворов

Эпохальные и, вместе с тем, изменчивые процессы в социуме и в современной науке, ставят уместный вопрос о критериях и истинности знания. Социальная жизнь и практика науки свидетельствуют о множественности и переменчивости истин. Пространство и время застывших формулировок замыкается в координатах ментальности и присутствует как далёкий свет минувших эпох.

Интенсивное расширение информационного поля в посткультуре меняет акценты информации, нацеливает поиск в различные секторы проблемного пространства и кристаллизуется в события. «Любая истина есть подвешенное к событию бесконечное производство, несводимое к установленным знаниям и определяемое только деятельностью тех, кто верен этому событию...»¹. Производство ценностей, как процесс и результат событий, служит переменчивой пестроте истин. Проблемы эпистемологии упираются в признание прогресса познавательного процесса или, напротив, в утверждение его дискретности. Истинность смысла — характеристика события, отдельного сектора бытия и сознания.

Мы исходим из понимания, что философская интуиция является единым пробегом, схватывающим Бытие и осуществляющим сборку смыслов в координатах времени. Основанием интуитивного рывка выступает осознание эпистемологической значимости постмодер-

¹ Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. С. 49.

нистских принципов и категорий, с помощью которых осуществляется заброска ментального инструментария и методологии исследования в неопределённую проблемную ситуацию. Осуществляется «набрасывание смысла», как звена в процессе интерпретации². Таким интеллектуальным «лассо», схватывающим и стягивающим проблемное поле, создающим «набросок» смысла, формирующим стратегию решения, становятся постмодернистские категории. Возможность «наброска» смысла на бытие подтверждает экзистенцию присутствия. Потенциальная глубина, креативная направленность и коренные установки постмодернизма создают веер возможностей для успешного интеллектуального поиска — присутствия вопрошающего. Временные триумфы идеологии модерна не уменьшают постмодернистскую актуальность смыслов, но, напротив, обнажают идеологические каверзы и искажения политического. Регрессивное развитие делает попытку воскресить мёртвые истины.

Потенциальные смыслы, как непроявленное бытие, манифестируют о возможных линиях развития и прогрессивных нарастаниях совокупных изменений, провокациях любознательного субъекта. Плюрализм категорий постмодернизма не является беспредельным, но всегда находится в русле задач заданного проекта, напряжением поиска в зоне направленного броска. Свобода операций мысли не превращается в разрушительный произвол. Плюрализм не оставляет руин, но служит целям продуктивного умозрения. Вкус случайности допускает неожиданные скачки в движении мысли и расширяет свободное пространство изыскания. Х.-Г. Гадамер предостерегал от случайности в методе адекватной интерпретации. Между тем именно случайные изменения, «парадоксальный элемент», определяют проблемное поле и кристаллизуют неопределённость в нужном секторе.

Пробег интуиции движется ризоморфно, не ограничивает себя нарративными аксиомами и стержнями принципов, гибко включает в своё поле произвольные отклонения свободных процессов. Постмо-

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 318–319.

дернистские категории становятся точками интеллектуальных флуктуаций, как случайных, так и закономерных, пронзающих проблемную неопределённость и фиксирующих возможности новых смыслов. Магистраль движения возникает из спонтанного трепета пространственной ткани, постепенно организуясь в направленное действие.

Воображение учится продуктивно воображать, используя потенциал понятий и категорий, включая их инструментарий в приёмы манипуляции образами и смыслами. Так, понятие «ризомы», используемое как «дорожная карта» воображения, включает ризомное видение, позволяет удерживать проблемную ситуацию в значении непосредственного «присутствия», как единое непредвзятое целое, без принципов сторонних истин, без матрицы привычной сценографии и диспозиции, без прогиба полевого пространства нарративными смыслами. Ризомное видение проблемного поля выявляет множественность сингулярных флуктуаций, допущение случайных всполохов в подвижной ткани нарастающих изменений. Ризомный анализ позволяет сопоставить равнозначные слоевые напластования и явить их значение в совокупности направленного движения интуиции. Не является противоречием целенаправленность ментального усилия и ризоморфная нейтральность проблемной сущности, имеющая прихотливую природу. Усилие субъекта организует структуру события, направленного в проблемное поле. Важно покрыть интуитивным пробегом конфигурацию проблемы, очистив её от предвзятости логоцентризма, окостеневших нарративных схем, встроиться в нелинейную динамику Бытия. Ризомное видение позволяет максимально приблизить неопределённость, ощутить её своеволие.

Ризомное препарирование проблемной ситуации накладывает топографическую сетку на все органы, подвергает их бесконечному членению, отодвигает иллюзорное присутствие конечной истины. Учитываются лишь зазоры смыслов, временные остановки для перехода на новый слой или уровень сложности, перегруппировка методов и векторов, напряжение новых сил. Исследуемые процессы приобретают характеристики полевых взаимодействий, находя себя в воображаемом пространстве, разделённом складками различий. Ри-

зомное видение позволяет обозревать проблему вплоть до горизонта сущностных границ как «множественную реальность»³, в единстве конечных областей смыслов.

В новом свете видится библейская притча о Сеятеле, бросающем зёрна в землю, представленная как ризомное освоение секторов пространства и производство событий. Зёрна как потенции истин. Зёрна попадают либо в условия прорастания, либо — разрушения. Прорастание истины ризомно охватывает благоприятную среду мелкими корешками, производя событие последующего результата/урожая. Вариативность осуществления истин является результатом встречи креативного усилия и инертной среды.

Проверка истин участием искусства придаёт им на какой-то срок искомую универсальность. Актуальность и уместность находят выражение в природе художественного. Интуиция художника находит продуктивную новизну, но невербальное выражение детерминирует открытие, делает неразличимым, скрывая от глаз непосвящённых. Ризомное видение реальности органично присуще художнику в его внимательном и чутком наблюдении и вчувствовании, в результате которого созревает спонтанный замысел, требующий развития и воплощения, образного наименования. Установки творческого субъекта природно адекватны проблемному событию. Ризоморфность переносится в истинное произведение искусства, прорастающее в своём бытии в форме переменчивых истин. Произведение в истории своего осуществления порождает неустойчивые смыслы и модели, которые тут же освобождаются, фиксируют гипертексты, отсылающие к цепкам памяти и свободным ассоциациям.

Представления о ризоморфности обозреваемого пространства спонтанно появляется в русском авангарде 20-х годов в теории «расширенного смотрения» и «мирослышания» К. С. Малевича и М. В. Матюшина. Идеи нелинейности были развиты в теориях «чашно-купольного» пространства, «окружающей геометрии», «прибавоч-

³ Шуц А. О множественности реальностей // Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб., 2007. С. 82.

ного элемента — S-образной кривой», ленточного строения предметности В. В. Стерлигова и П. М. Кондратьева⁴. Образы купола, чаши, теория «окружающей и окружённой геометрии» выразили представления о кривизне пространства, о смыслообразующей форме, творящей поле своего окружения. Художники русского авангарда разрабатывали трактовки пластичности пространства, его принципиальной кривизны, пронизанного сочетаниями цветовых потоков и изменчивых форм. Так, тень приобрела статус активной формы, преобразуя своё окружение, стала складкой предмета.

Воображение художника ищет истину здесь и сейчас, но гонится за химерой. Складки творческого процесса имеют подвижную структуру, постоянно меняя освещённость/угол зрения. Создание произведения можно рассмотреть как воображаемое порождение и опредмечивание складок ментального пространства, ведомое душевным импульсом. Так, В. В. Стерлигов полагал, что в геометризации — основе пластического видения и формообразования — лежит механизм деления, осуществляемый линией⁵. Представляется, что разделение пространства становится процессом создания складок, создающих активную форму. В складках Бытия прячутся искомые смыслы. Погоня за истиной становится бесконечной. Результатом выступает субъективная остановка, не совпадающая с искомой целью. Стратегии ментального производства остаются незавершёнными. Даже законченное произведение являет очевидную незаконченность как отдельное бытие во времени с веером возможных прочтений/истин. Творчество художника предстаёт универсальным примером постмодернистского плюрализма, реагирующим на вызов событий, спонтанно применяющим принципы свободной и быстрой реакции в производстве и разрушении истин.

⁴ Пространство Стерлигова // Серия «Авангард на Неве» / Автор концепции и составитель серии Исаак Кушнир. СПб., 2001; Круг Кондратьева. Серия «Авангард на Неве». Автор концепции и составитель серии Исаак Кушнир. СПб., 2005.

⁵ Пространство Стерлигова... С. 88.

Восприятие произведения, «добрая воля к иллюзии» (Ф. Ницше) меняет акценты смыслов и конфигурацию видения, демонстрирует множественное и подвижное строение образа. Восприятие вновь и вновь обозревает заново увиденную картину, сопоставляя складки ментального опыта. Воспринимающее воображение видит мир искусства топологически, как наполненный складками произведений. Уместны аналогии с картой горной местности, где обозначены горные вершины, пики, ущелья, оползни и долины. Ментальная карта произведений искусства также представляет собой пёстрый складчатый ландшафт акцентов, оценок и ценностей, как подвижный пейзаж производства и разрушения истин.

Складчатая поверхность проблемного поля позволяет учитывать естественный раздел событийного явления в координатах различий времени и пространства. Исследование события с разной степенью освещённости с теневыми/маргинальными смыслами, естественной двоичностью вербальных и смысловых определений приближает порог истины или выводит за её порог. Субъективная удовлетворённость изысканием грешит иллюзией предела. Двоичность складки останавливает законченность исследования. Аксиома складки с бесконечным складыванием ведёт к поиску альтернативы истины, множества истин. «В первую очередь мы... обязаны непоколебимо встречать дизъюнкцию. В нашем распоряжении больше нет примиряющей и объединяющей силы принципов»⁶. Понятие «складки» позволяет построить воображаемую поверхность проблемного поля, изрезанную отдельными, направленными событиями, с акцентами значения, степенью ясности, вектором потенциальных сил.

Обозрение граней и перекатов внешнего соблазняет приподнять видимый шлейф. Следующим этапом ментального поиска выступает воображаемое проникновение вглубь, преодоление поверхности, выворачивание изнанки событийной внешности, обозревание полноты скрытого. Обращение складки внутрь — есть археологические раскопки, раскрытие палимпсеста семантической поверхности, обнаружение скелетного строения и снятия завесы проблемного события.

⁶ Бадью А. Делёз. Шум бытия. М., 2004. С. 113.

Разворот смысла стимулирует мысль к содвижению с топографией проблемы, как многократное сворачивание страниц с множеством перегибов, грани которых свидетельствуют о множественности оттенков смыслов, структуре и акцентах значений, возможности поворота / разворота. Граница событий и смыслов отрицает свою предельность и мыслится как складка, как скомканная структура, обращённая к топологии внешнего и внутреннего. Граница событий является не только дизъюнкцией, но и конъюнкцией тел и смыслов. Воображаемая складка, как оператор границ событий и смыслов, приводит мысль, с одной стороны, к выявлению существенной определённости, с другой стороны, к пограничным взаимодействиям, переключке и производству истин.

«Истина имеется, лишь поскольку и пока есть присутствие»⁷. Задачей интеллектуальных диспозиций становится осознание разворачивающегося события и фиксация бытийного содвижения. Ориентации воображения исследователя пребывают в постоянном блуждании — «блуждающем избытке» (А. Бадью), находясь в поиске неразличимого, но искомого бытия. Воображение — «создатель произвольных форм возможных созерцаний»⁸. Производству истины предшествует её предчувствие, предзнание, проекция присутствия к моменту времени ожидаемого события.

Блуждание впотьмах — естественная характеристика креативной деятельности, опыт проб и ошибок, мучительных топтаний на месте в попытках сдвига сущности. Состояниеномада фиксирует хаотическую неопределённость, собирает слепой пучок сингулярностей в направленный поиск. Отбор впечатлений, распознавание симулякров, движение в «окружающей геометрии» осуществляется в русле заданной установки ищущего сознания. «Расширенное смотрение», номада, «вслушивание» (Деррида) находятся в потоке сингулярных случайностей, выбора элементов для конструкции и приближения события.

⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002. С. 221.

⁸ Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001. С. 196.

Природа номада преодолевает ограниченность страты, закреплённую определённую в настоящее структуры, но направляет корешки ризомного воображения в зазоры топосов спрятанной реальности. Новизна ароматов и вкусов поиска вливает энергию действия, формируя эскизы возможных событий. Номадическое существование активизирует дар предвидения и пророчества, деконструкцию условных границ, ускоренного пробега, «расширенного видения» и присвоения бытийных складок.

Номадические исследования могут включать как ризомные, так и стержневые линейные среды. В глубине дерева, в его стержневой основе могут сформироваться новые ризомы (Делёз). Чуткость и гибкость номадического мышления определены стремлением преодолеть господство «структуры», допущением вариативности события, готовностью к смене плоскости складки, выходом за границы субъективности. Думается, что эти приёмы и способы мышления развивались, как потенция творчества на заре цивилизации, закрепляясь в охотничьей практике стремительного и чуткого преследования, немедленной реакции на игру разнообразия. Номад — следопыт, разгадывающий следы предшествующих культур и осколки былых истин, но он же — охотник и искатель.

Конструкты истин встраиваются в массивы нарративов, образуя в них опорные пункты — архаичные аксиомы. Обыденные умозрения скрепляют и цементируют устойчивость укреплений, когда-то на совесть возведённых мудрецами прошлого. Достижения мысли постепенно ветшают, разъедаются сомнениями, обрастают подпорками и зияют утратами. Именно на их окончательный развал устремлена энергия номадического мышления. Позже, из обломков разрушенных нарративов, будут выстроены актуальные истины, подобно тому, как камни пирамид вошли в постройку храмов новых религий.

Таким образом, методология постмодернизма, заложенная в природе и смысле категориального видения, присуща стратегиям креативного поиска на путях творчества — производства и разрушения истин.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

НЕКОТОРЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

К. М. Магомедов

Есть общие закономерности развития науки и образования в обществе, которые необходимо учитывать. К ним относятся теоретизация, формализация, математизация, информатизация. В этом перечне отсутствует еще одна важная тенденция, заключающаяся в «философизации» современного знания, по которой вместе с научным прогрессом пропорционально растет степень значимости решения его методологических и мировоззренческих проблем. Данная закономерность должна соответствующим образом отражаться и в образовательной сфере. Поэтому потребность в профессиональных философских кадрах неуклонно растет.

Исторически сложилось так, что основную массу квалифицированных педагогических и исследовательских кадров в России готовили несколько крупных философских центров: Московский, Санкт-Петербургский и Ростовский университеты. После отмены существовавшей традиционной практики целевого распределения специалистов определенные региональные диспропорции квалифицированных кадров стали ощущаться все отчетливее и острее.

Осознание этого обстоятельства у нас в Дагестане привело к открытию в 2005 г. философского отделения со специализацией «онтология и теория познания», положившего начало формированию собственной республиканской школы профессиональных философов. Почему была выбрана именно эта специализация, объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, по другим направлениям, таким, как социальная философия, религиоведение, этика, теория и практика национальных отношений в республике уже был накоплен значительный научный и педагогический опыт.

Во-вторых, преимущественное внимание ученых именно этим проблемам привело к известной «однонаправленности» дагестанской философии, когда вопросы онтологии и теории познания и методологии науки, составляющие сокровищницу мировой и отечественной философии, оставались без должного внимания.

В-третьих, новые образовательные стандарты подготовки студентов, магистров и аспирантов всех без исключения специальностей предполагают обширное чтение не традиционных классических курсов философии, а преимущественное внимание методологии и философии науки.

В-четвертых, нельзя не отметить личную заслугу проф. М. И. Билалова, председателя Дагестанского отделения Российского философского общества, зав. кафедрой онтологии и теории познания, усилиями которого и состоялось открытие философской специализации в университете.

Но роль республиканской философии не заканчивается только организацией преподавания философских курсов в структурах высшего и среднего профессионального образования. Философию не случайно считают теоретическим ядром всей человеческой культуры. А 2014 г. в России провозглашен именно Годом культуры. В сфере культуры Дагестан нуждается в системных изменениях и здесь без философии не обойтись. Определение цивилизационного курса на гражданское общество регионального типа, выстраивание иерархии общечеловеческих ценностей с учетом менталитета и религии дагестанских этносов, подчинение этому курсу деятельности всех экономических, политических, образовательных и др. сфер общественной жизни — важнейшая задача Дагестана, мы бы назвали национальной идеей наших народов.

Особенно велика и актуальна роль философии в организации межкультурного и межконфессионального диалога в Дагестане. Как

неоднократно отмечал Президент РД, необходимо не обзывать друг друга экстремистами и террористами, а спокойно разобраться в глубинных и теоретических разногласиях между суфизмом и салафизмом и другими направлениями. Здесь эффективна также философская методология познания: различия в культуре и стиле мышления, интеллектуальных традициях этих направлений ислама — ключ к мирному диалогу и сосуществованию. Только тогда, когда в Дагестане эти осмысления станут массовыми, когда сотни наших выпускников-философов, политологов, религиоведов, культурологов будут способны донести эти вещи людям, тогда и начнется формирование уникальной полиэтнической и мультикультуральной дагестанской духовности.

Новое поколение философов исходит также из того, что дагестанская культура подвергается разрушительным тенденциям глобализации, и только уловив и поняв дух мировой культуры, место в ней нашей национальной культуры, можно ее осмысленно защитить. А защищать ее нужно потому, что именно традиционная культура формирует целостное мировоззрение, именно она является подлинной культурой, не поддающейся манипулятивной коррозии современной массовой культуры.

Свободно-конкурентные механизмы и отношения существуют не только в экономической, политической и идеологической сферах. Они в полной мере действуют в образовательном процессе, к которому применимы большая часть, если не все, механизмы рыночных отношений: состязательность, и не просто в формах «социалистического соревнования», как в недавнем прошлом, а в глубинных основаниях, связанных с конкуренцией, борьбой за выживание, за каждого потребителя его услуг; маркетинговые расчеты и исследования и т. д. И конституционно закрепленная индульгенция бесплатного образования ничего здесь существенно не меняет.

К сожалению, наша система образования, как бы, выпала из структуры рыночных отношений, существуя до сих пор за счет резервов относительного монополизма, протектората в самых разнообразных проявлениях. Это не могло не породить иждивенческие настроения и иллюзии, которыми всегда было пронизано отечественное образование.

Профессиональные учебные заведения должны в полной мере осознать необходимость эффективного включения в механизмы рыночных отношений, а именно:

- облекать свой «товар» — квалифицированного специалиста» в привлекательные для потребителя формы, что достигается маркетинговыми, информационными, рекламными и иными средствами;
- своевременно улавливать социально-экономическую динамику, новые профессиональные вызовы и потребности и готовить специалистов в соответствии с этими изменениями;
- прекратить по инерции готовить юристов, тем более неспособных составить простейший правовой документ, и экономистов, аудиторов, не умеющих сделать элементарный квартальный баланс расчетов;
- вернуться к практике профессиональной специализации вузов, авиационные вузы должны готовить специалистов по производству и эксплуатации авиационной и космической техники, но не экономистов, менеджеров, психологов и даже гуманитариев. Педагогические, сельскохозяйственные и политехнические вузы должны вернуться к своим профессиональным тезаурусам и совершенствоваться не через универсализацию, а через поиск иных сугубо профессиональных резервов.

У нас неправильно понимают значение слова «университет». Это тем более важно, что сейчас чуть ли не каждый вуз стал университетом. Согласитесь, университет — это не вывеска при входе, и, тем более, — не учебное заведение, где готовят по десяткам и сотням специальностей и логико-математического, и инженерного, и социального, и гуманитарного профилей.

Университет — это учреждение, призванное дать универсальное образование. А оно дается не увеличением количества факультетов и специальностей, а особой организацией самого образования. В нашем представлении, универсальная культура и универсальное образование — это способность мыслить в категориях и ценностях разных культур, способность видеть различные подходы к одному и тому же

явлению. Это не мышление по принципу «или-или», чему учит математика, формальная логика, информатика, каждая по отдельности.

К сожалению, традиции аристотелевской, формальной логики чрезмерно довлеют в образовании и культуре. Все образование, и естественнонаучное, и техническое, и даже социально-гуманитарное, построено по этой логике: истина или ложь, 1 или 0, добро или зло, правильно или неправильно, прогрессивно или реакционно, нужно или не нужно, «это черное, а это — белое» и т. д. Должны в связи с этим заметить, что модные тестовые методики по многим, особенно социально-гуманитарным дисциплинам, только усугубляют ситуацию¹.

Университетское образование, в отличие от узко профессионального ориентированного вуза, должно быть свободно от подобной двузначности и альтернативности.

Принцип дополнительности, сформулированный Бором, это постулат верный не только для внутренне противоречивых квантово-механических процессов, он характеризует всю культуру. Одна культура должна дополнять, а не опровергать другую культуру. Поэтому, научиться умению видеть в одном и том же явлении разные подходы, одинаково имеющие смысл и социальное оправдание — глубинная самоцель университетского образования. У носителя исламской культуры может быть один взгляд, христианина католического толка — другой, у православного — третий, у носителя иудейской ментальности — четвертый. Как в физике, когда классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы обосновывают взаимосвязанные, но различные подходы к решению одних и тех же физических процессов.

¹ См. об этом: *Билалов М. И., Магомедов К. М.* Тестовые методики в социальном и гуманитарном образовании // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10 (Ч. 8). С. 1866–1870; *Магомедов К. М.* О некоторых пределах применения информационных технологий и тестовых методик в гуманитарном образовании // *Гуманитарный часопис*. 2013. № 1 (34). С. 128–139; *Билалов М. И., Магомедов К. М.* Специфика философии в контексте применения в ее преподавании информационных технологий // *Вестник ДГУ. Сер. Экономика и философия*. 2012. № 5. С. 218–223.

Университет потому и называется университетом, что он творит и формирует универсальное мышление — ядро подлинного, а не мнимого мультикультурализма. Говорить о том, что вся образовательная инфраструктура в нашей республике ориентирована на его формирование, не приходится.

К сожалению, тональность многих исламских теле- и радиопередач далеко не в полной мере ориентирована на формирование этого мультикультурализма; они больше построены по принципу «это можно, а это нельзя, это правильно, а это — неправильно». Способствует ли это универсальному мышлению? Думается, не совсем.

Пожалуй, для этого необходимо, особенно на социально-гуманитарных факультетах, преподавать не только формально-математическую, в своей основе, двузначную логику, а комплексную, многозначную логику.

К сожалению, информатизация образования и тут имеет свои негативные последствия, так как через информационные каналы хорошо можно передать знания, но не опыт.

Где выход? Ждать пока восстановится прежняя база практики или нереально, или долго.

- Создавать эти базы у себя. Ведь в вузах раньше была неплохая учебно-экспериментальная и практическая база, тем более, сейчас для поддержки материальной базы профессионального образования обучения выделены немалые деньги.
- Введение интерактивных и имитационно-игровых методов обучения и образования.
- Поиск новых форм, компенсирующих существующий разрыв между теорией и практикой, образованием и обучением. Например, при ДГУ создан и разворачивает свою работу Институт практической философии и социальных инноваций.

Сейчас появились более эффективные источники получения информации, чем лекционные и семинарские занятия. Да и сами курсы стали не такими емкими, по части количества часов.

В этих условиях меняется функция преподавателя. Например, применительно к социально-гуманитарному знанию, преподава-

тель из транслятора знаний превращается в толкователя понимания смыслов. И это правильно, поскольку знания, для того, чтобы войти в систему компетенций, которые достаточно четко сформулированы в руководящих документах, регламентирующих образование, должны быть переведены в поле смыслов.

Не зря же говорят: «Многознание уму не научает». Эта сильная метафора имеет как раз в виду то, что ум человеческий и педагогический складывается из способностей перевода компетенций знаний в систему смыслов. Нам представляется, в условиях, когда согласно Болонскому процессу неуклонно уменьшается доля аудиторных часов и увеличивается роль самостоятельной работы, основные функции педагога должны сводиться к этому, а педагогический же талант — к способности перевода массива многообразного и достаточно фрагментарного знания на язык смыслов, задающих учащимся определенную траекторию понимания.

Это важно еще и потому, что сверхзадача вузовского образования и воспитания дать не просто массив знаний, а сформировать убеждения человека. А к ним, к убеждениям, ведут не абстрактные схемы знания, а знания, упорядоченные в определенную логику смыслов. Ведь само по себе знание не является основой человеческого поведения и поступков (мы знаем, что курить и пить вредно, но пьем и курим и т. д.). Если бы это обстояло так, то достаточно было чему-то научить человека. Но, увы, это не совсем так. Значит, между знанием и поведением есть важный посредник, служащий основой активности; им являются убеждения человека.

Это обстоятельство — прямое следствие чрезмерного преувеличения авторитета высшего образования в России, особенно на Кавказе и, вдвойне особенно, в Дагестане. Оно еще стимулируется и тем, что любые фирмы даже на незначительные должности приглашают людей с высшим образованием.

Согласитесь, обществу и странам, даже находящимся на значительно более высоких ступенях социализации, технократизации и информатизации, не требуется такое количество специалистов высшей квалификации. Если сравнить количество людей с высшим образова-

нием у нас и в развитых западных странах, то мы окажемся впереди планеты всей.

Среднее профессиональное образование в нашей ситуации должно быть определяющим, поскольку основная масса специальностей и профессий в системе производства, сервиса, социальной инфраструктуры требуют именно такого уровня. Отрадно видеть, что государство уже начало возрождать авторитет среднего профессионального образования, особенно технического. Как известно, в феврале правительство выделило несколько миллиардов рублей на развитие регионального среднего профессионального образования.

У нас же все находится в обратном соотношении. В Дагестане редко кто, заканчивая школу, не пытается поступить в вузы. Понятно, этому способствует общая социально-экономическая ситуация в стране и республике. Поскольку промышленные предприятия не приглашают молодежь на социально престижные профессии, и, тем более, не готовят себе эти кадры через систему профессионально-технического обучения и систему ученичества, то остается единственный выход, чтобы не стать хроническим безработным — поступить в какой-нибудь институт, которые «хватывают» даже на бюджетные места всех, кто изъявляет малейшее желание. Налажена целая система заманивания всех подряд в вузы, называется она профориентацией.

Это массовое и ничем не обоснованное стремление к высшему образованию стимулирует появление огромного количества вузов и филиалов, многие из которых, особенно через заочные и дистанционные формы обучения, только и делают, что штампуют «дипломированных» специалистов. Доходит даже до того, что вузы открываются в небольших поселениях, где нет ни инфраструктуры, ни педагогических кадров, ни учебно-методической базы.

ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СТАНДАРТОВ CDIO ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Л. В. Баева

В 2012 г. Астраханский государственный университет вошел и в ассоциацию университетов, принявших «Всемирную инициативу CDIO» в качестве основной технологии образовательного процесса, инициатором создания которой был Массачусетский технологический институт (MIT). Еще в 2002 г. ученые Массачусетского технологического института, во главе с профессором Э. Кроули (сегодня являющегося ректором университета в Сколково) столкнулись с новыми требованиями своего главного работодателя фирмы «Боинг». Суть требований состояла в том, что выпускники вуза (даже самого передового в своей отрасли в мире), прекрасно знающие теорию, были не готовы работать на производстве и нуждались в долгосрочном обучении практическим навыкам на рабочем месте. Для решения этой задачи был разработан новый подход к обучению, получивший название «Задумай — Проектируй — Реализуй — Управляй» или сокращенно «CDIO» («Conceive — Design — Implement — Operate»).

Целью этого подхода было развитие у студентов, начиная с 1 курса, важнейших компетенций, необходимых современному инженеру и специалисту:

- задумывать, проектировать, реализовывать и управлять системами на предприятиях, в бизнесе и социальной среде;
- применять полученные знания, работая в организациях;
- развивать творческое мышление, умение решать реальные задачи, желание проводить эксперименты, открывать и изобретать новое;

- способность к системности мышления, понимание взаимосвязей между дисциплинами и знаниями;
- критическое мышление, способность выявлять слабые места и постоянно совершенствовать производство;
- следование профессиональной этике (ответственность, честность инженера, осознающего, что его проект или продукция будет связан с жизнью и безопасностью людей);
- способность работать в одиночку и в команде, способность быть лидером и эффективно общаться внутри коллектива.

Всемирная инициатива «CDIO» была принята первоначально вузами инженерных направлений. Однако она оказалась эффективной и для современных университетов в целом (сегодня в ассоциации «Всемирной инициативы «CDIO» насчитывается более 100 вузов разных стран). Она предполагает применение модели обучения, при которой существенное место отводится участию студентов в производственном процессе, а также созданию ими новых идей, продуктов и систем — от оригинальной задумки — до управления своим проектом, о чем говорит и само название.

Руководители и ученые АГУ, имея тесные контакты с Массачусетским технологическим институтом, познакомились с опытом работы по реализации системы «CDIO» и подали свою заявку на участие в ассоциации вузов, принявших эту идеологию как базовую. После того, как заявка АГУ была поддержана, университет официально был признан членом Всемирной ассоциации вузов, внедряющих CDIO. Руководствуясь Стандартами, признанными учеными и преподавателями ведущих вузов мира, ученые и преподаватели начали серьезную работу, связанную с изменением стратегии образования.

Главное направление деятельности АГУ сегодня заключается в подготовке специалистов, способных решать не только теоретические, но и практические задачи. Одним из трех пилотных факультетов для перехода на новую технологию обучения стал факультет социальных коммуникаций.

Проведенный бенчаркинг показал, что в отношении гуманитариев Стандарты CDIO реализуются во многом впервые. Одиночные

шаги ранее предпринимались, например в University of Information Technology Chengdu (CUIT) в Китае принципы CDIO применяют для подготовки студентов по направлению «Социальная работа» и «Дизайн», в Turku University в Финляндии есть опыт обучения по данной системе студентов направлений «Бизнес и администрирование», «E-Business». Наше обращение к консультантам по CDIO в MIT и другие вузы всемирной инициативы по поводу гуманитарных направлений, дало неожиданный ответ: это очень интересно, когда получите первый опыт, обязательно поделитесь! Нам и самим было интересно, что же получится.

Прежде всего миссия факультета, имеющего социальные и гуманитарные направления подготовки, в контексте внедрения CDIO существенно изменилась. Целью подготовки бакалавров и магистров стало умение решать *реальные задачи* в социальной и гуманитарной областях. Главными принципами, на которых было основано применение стратегии CDIO при подготовке бакалавров и магистров в гуманитарных и социальных для нас стали следующие.

Интеграция научной, образовательной и предпринимательской деятельности по перспективным социально-гуманитарным направлениям развития на региональном и международном уровнях. Работа ученых над грантовыми проектами стала основой для организации аналогичных проектов учебного характера.

Сочетание фундаментального образования с практико-ориентированным обучением. Содержание учебного процесса в гуманитарной сфере, в том числе, ориентировано на развитие навыков реализации социокультурных проектов, имеющих широкое практическое воплощение.

Информационный уровень развития современной культуры. Развитие технологий привело к появлению нового типа культуры — электронной, феномены сетевых сообществ, виртуальных игр, электронных библиотек и т. д. Развитие и изучение этого типа культуры требует у специалиста-гуманитария информационных или технологических компетенций, умения создавать продукты в информационной форме, управления контентом в виртуальном пространстве.

Творческий характер, стремление к постоянному усовершенствованию. Гуманитарные науки отличаются меньшей стандартизацией знаний и методов, большей индивидуализацией, обращенностью к творческой стороне как в познании мира, так и в образовательных практиках, поэтому развитие креативного мышления, необходимого для реализации CDIO, является внутренне созвучным принципам обучения гуманитария.

Лидерство и командный стиль как неотъемлемая черта специалиста в сфере социальной и культурной деятельности. В области работы с людьми, социокультурной сфере в целом и в каждой из ее конкретных областей первоочередными компетенциями являются коммуникационные, личностные, связанные с умением брать ответственность за себя и других, сотрудничать, взаимодействовать, толерантно воспринимать многообразие культур и людей.

Исходя из этих принципов и уже имеющегося практического опыта, полагаем возможным и эффективным применение основных элементов системы CDIO для специалистов социокультурной и политической сферы. В Астраханском государственном университете с 2012 г. опыт применения CDIO реализуется при подготовке бакалавров в сфере социологии и культурологии, политологии, международных отношений. Прежде всего, нами были поставлены следующие стратегические задачи: во-первых, применение стандартов CDIO в учебной работе со студентами-гуманитариями с целью обучения не только теоретическим вопросам, но и знанию реальных проблем общества, компетенциям по созданию и управлению материальными и нематериальными продуктами в сфере культуры, коммуникации, социальной практики. Во-вторых, создание интегрированных команд и проектных форм обучения для студентов гуманитарных и технических специальностей, приобретающих в ходе обучения компетенции, необходимые в междисциплинарных сферах практической деятельности.

Для реализации этого потребовалось решение следующих тактических задач.

- Создание интегрированного учебного плана и его внедрение.

- Описание приобретённых личностных, межличностных и профессиональных компетенций будущих бакалавров (магистров) и работа в соответствии с ними.
- Описание компетенций преподавателей для подготовки кадров по системе CDIO и повышение собственных умений.
- Разработка форм проведения интерактивных занятий для обучения по Стандартам CDIO (практикоориентированное обучение) и их использование в учебном процессе.
- Постоянный и итоговый мониторинг изменений.
- Анализ проблем по итогам учебного года и поиск форм совершенствования.

Работу преподаватели факультета начали не с нуля, у нас уже были отдельные элементы подобных технологий. Например, студентами специальностей «Культурология» и «Мировая художественная культура», «Социология», «Философия» не один год реализовывались проекты по сохранению культурного наследия Астраханской области (создавались новые туристические маршруты, электронные версии музейных коллекций), велись социологические исследования по заданию заказчиков. Но все же, это были отдельные достижения. Теперь же стояла задача: сделать эти возможности технологией, чтобы на каждом курсе студенты были участниками проектных групп, а каждый преподаватель имел опыт руководства командными проектами.

Практика показала, что большая часть Стандартов CDIO применима для подготовки гуманитарных и социальных специальностей на методологическом и практическом уровнях. Так, формирование компетенций по созданию идеи, ее проектирование, управление и реализация имеют высокую актуальность для специалиста как в социальной, так и в духовной сферах жизнедеятельности (Стандарт 1. CDIO как общий контекст развития)¹. Полностью применимы стандарты по выявлению компетенций, формируемых на различных дисциплинах (Стандарт 2. Описание компетенций по каждой дисциплине), созданию интегрированного учебного плана, в котором группируются

¹ Syllabus SDIO. — URL: <http://www.cdio.org/framework-benefits/cdio-syllabus>

дисциплины, способствующие развитию одинаковых компетенций учащихся, и на этой основе создаются единые проектные задания и команды (Стандарт 3. Интегрированный учебный план), а также включение в него Вводного курса, закладывающего мотивацию работы по специальности и обучающего основным личностным и межличностным компетенциям (Стандарт 4. Вводный курс, закладывающий основы профессиональной деятельности в области создания продуктов и систем и обучающий основным личностным и межличностным компетенциям).

Важная роль в обучении гуманитарным наукам всегда отводилась творчеству и использованию активных методов обучения (Стандарт 8. Активные методы обучения). Пассивное восприятие теоретической информации значительно сократилось, оставляя возможность для решения заданий в командах, формирующих не только профессиональные, но личностные компетенции. В рамках учебных занятий возросла роль интерактивных методов и форм, ряд занятий стали проводиться в организациях, в которых студенты потенциально могли работать (музеи, художественные галереи, служба ЗАГС, социологические центры и консалтинговые фирмы и т. д.)

Применение некоторых стандартов для гуманитариев имело и определенные особенности. Так, например, «Стандарт 6. Учебные помещения» — для проведения лабораторных и практических работ в гуманитарных науках может оказаться не аудиторией в университете, а культурно-историческим объектом, в котором проводится проектная работа, или специально оборудованным центром для проведения социологических исследований, или территорией художественной галереи, музея, в которых студенты получают навыки практической деятельности.

Применение «Стандарта 5. Задания по проектированию и созданию продуктов» CDIO предполагает обязательную работу над проектами, которые могут быть как личными, так и командными, как дисциплинарными, так и интегрированными. Например, при обучении социологов в рамках учебного процесса был реализован и ряд социально значимых проектов, осуществленных командами из бака-

лавров и магистрантов (например, «Мониторинг экологической ситуации в Астраханском регионе», «Мониторинг антинаркотической ситуации в вузе», «Выявление факторов роста разводов в Астраханской области» и др.). Были апробированы различные типы проектной работы, позволившие интегрировать дисциплины профессионально и естественнонаучного блоков. Преимущества проектной работы уже оценены, прежде всего, при использовании данного метода существенно изменяются роли участников образовательного процесса: преподаватель не является экспертом, он — демократичный руководитель, консультант, помощник; соответственно студент — выполняет роль активного участника процесса проектирования. Развитие активности студента проявляется в целеполагании и планировании учебно-познавательной деятельности, ее организации и обеспечении. Важно, что работа над проектом предполагает обязательную рефлексивную деятельность: оценку того, что каждый приобрел в процессе выполнения учебного задания, что удалось, а что нет, в чем заключались причины неудач и как их можно избежать в будущем.

Реализуя командные проекты, учащиеся развивают навыки системного мышления, поиска информации, анализа, экспериментирования, принятия решений, самостоятельной работы и работы в группах. Для гуманитарной и социальной сферы выполнить проект — это не только собрать материал, необходимую информацию по теме, но и применить добытые знания на практике, например: провести экскурсию (в том числе мультязычную), разработать новый туристический маршрут, подготовить выпуск студенческого научного журнала, сборник художественных работ молодых авторов, самостоятельно провести круглый стол, выпуск телепередачи или даже научную конференцию и многое другое.

Эффективным направлением работы факультета стало развитие интеграции инженерных и гуманитарных дисциплин, что отразилось в реализации проектов по созданию информационного портала «Культурное наследие региона», карты культурных объектов с применением GIS-технологий (Стандарт 7. Интегрированные учебные задания). Для студентов специальностей «культурология», «инфор-

матика», «география», «дизайн» проекты нашего факультета оказались площадкой для получения навыков работы в междисциплинарной команде, приобретения социальных и культурных компетенций, а также умений моделирования и управления созданными продуктами в сфере электронной культуры. Данный проект будет продолжен в мультязычном аспекте, а это значит, что к команде присоединятся студенты языковых специальностей, или иностранцы, обучающиеся в вузе в рамках студенческой мобильности. Полагаем, что ценным в реализации таких проектов является развитие компетенции различных уровней: для гуманитариев, помимо профессиональных, это и освоение навыков информационной, коммуникационной, межличностной компетенций; для студентов информационных направлений — это освоение как профессиональных, так и социокультурной, коммуникационной, межличностной компетенций и т. д.

Анализируя свой небольшой опыт, мы бы поддержали идею Дункана Кэмпбелла² и Томми Джозефссона³ о необходимости ввести в компетенции современного инженера межкультурную коммуникацию и даже необходимость введения 13-го Стандарта CDIO. Работа над проектами, связанными с развитием информационной или электронной культуры, предполагает, что студентам инженерных направлений могут быть ценны и социокультурные компетенции в целом. Суть этих компетенций заключается в понимании значимости и сущности социокультурных объектов, умении работать с такими объектами с учетом их гуманитарной специфики, способность к командной работе со специалистами-гуманитариями.

В реализации задач университета помогают и консультанты из Массачусетского технологического института, университета Гарварда, вузов, внедряющих CDIO много лет. Преподаватели и студенты

² Campbell, Duncan (2009) Proposed new CDIO Standard (13), CDIO Program Internationalization and Mobility. CDIO Submission. Queensland University of Technology. — URL: http://www.cdio.org/files/document/file/T2A_Paper_3.pdf (10.10.2012).

³ Josefsson, Tommy (2011) Intercultural competence in engineering education. — URL: http://www.cdio.org/files/document/file/T2A_Paper_2.pdf (11.10.2012).

уже приняли участие в тренингах, проводимых в АГУ профессором Массачусетского технологического института, доктором Дэвидом С. Вислером, членом Национальной инженерной академии США, одним из руководителей Всемирной инициативы CDIO по инженерному образованию. Постоянное обучение профессорско-преподавательского состава работе в новых условиях, мониторинг уровня освоения этих знаний также стало практическими шагами реализации CDIO, в чем помогли, кстати в рамках одного из проектов, наши студенты-социологи, которые на базе Центра социологических исследований АГУ проводили анкетирование своих педагогов по этим вопросам (Стандарты 9–12).

Что мы ожидаем получить в результате? Прежде всего, переход на новый уровень развития всего университета, высокую востребованность наших выпускников в обществе, создание новых эффективных идей и проектов, необходимых для дальнейшего роста. Мы готовы двигаться вперед, изучая передовой опыт и создавая все условия для обучения наших студентов в русле самых современных технологий. Наш опыт подтверждает, что создание и проектирование материальных и нематериальных продуктов, в том числе интеллектуальных, становится неотъемлемой частью современного обучения студентов, ориентированного на решение задач, связанных с улучшением жизни человека. Возможности применения CDIO в этом отношении открывают новые горизонты, как в политехнических вузах, так и в современных классических университетах, в целом.

Ф И Л О С О Ф И Я

В ВЕДУЩИХ УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Ф. Е. Ажимов

История высшего образования на Дальнем Востоке России начинается с открытием 21 октября 1899 г. во Владивостоке Восточного института, правопреемниками которого впоследствии стали Государственный дальневосточный университет (1920–1939), Владивостокский педагогический институт (1943–1956), Дальневосточный государственный университет (1956–2010), а в настоящее время — Дальневосточный федеральный университет (с 2010 г.).

Кафедра философии была создана в университете в 1957 г. в ходе его воссоздания. О том, какой была философская жизнь во Владивостоке и Приморском крае до образования кафедры, говорить в настоящее время сложно. Однако нельзя обойти вниманием интереснейший факт — в 1918 г. во Владивосток прибыл Матвей Николаевич Ершов (1886–?) — известный в России философ, профессор Казанской духовной академии и Казанского университета. М. Н. Ершов сначала возглавил историко-филологический факультет, а затем был назначен ректором (1919). Именно в дальневосточный период своего творчества М. Н. Ершов написал и опубликовал в университетском издательстве свои основные работы: «Антиинтеллектуалистическое движение в современной философии» (1919), «Введение в философию» (1921), «Идеология и технология в духовной жизни современной эпохи» (1921), «Факторы культурного развития личности: социально-исторический

очерк» (1921), «Пути развития философии в России» (1922), «Ценность юридического образования в наше время» (1927). В 1922 г. М. Н. Ершов по приглашению Пекинского университета переехал в Китай, где читал курсы по русской культуре и философии. С середины 1920-х годов работал на юридическом факультете Высшей русской школы в Харбине. Нам до сих пор не известны ни дальнейшая судьба философа, ни то, как завершился его жизненный путь.

Кроме того, выходцами из Приморского края и Дальнего Востока были и являются многие известные российские и советские философы — В. А. Малинин, Д. М. Гвишиани, А. Г. Егоров, М. С. Козлова, Г. М. Каландарашвили, А. И. Уемов, М. Н. Громов, Л. А. Микешина и др.

В 1960-е годы в высших учебных заведениях СССР образуются отдельные философские кафедры. Этот процесс был подготовлен ростом интереса к философии в обществе, о чем красноречиво говорит философская советская библиография тех лет: в 1952 г. в Союзе вышло чуть более десяти философских книг, а в 1956 г. — уже несколько тысяч. Вновь созданные кафедры испытывают острую потребность в философях-профессионалах, которые могли бы преподавать не только традиционные в тот период времени диалектику и истмат, но и этику, эстетику, историю философии.

Философские факультеты страны тогда были не в состоянии обеспечить только появившиеся кафедры необходимыми философскими кадрами, и в философию приходили представители истории, естествознания, филологии, экономики. Философы университета работали в тесной связи с гуманитариями и обществоведами. Очень распространенным было участие в работе кафедры философии партийных пропагандистов, бывших военных замполитов и др.

В подобном симбиозе рождались основные черты кафедры философии ДВГУ 1960-х — интерес к популяризации науки, популяризация философских знаний не только в вузе, но и на предприятиях, глубокое знание риторики и ораторских приемов. Основная научная работа в то время сосредоточивалась на социально-политических исследованиях. Вместе с тем, очевидно, существовал и интерес к теории познания, истории философии, этике, эстетике, философским про-

блемам естествознания, что в целом соответствовало уровню развития философии в стране.

Главным научным интересом кафедры философии в 1970–1980-е годы становится диалектическое соотношение объективного и субъективного в общественном развитии. В рамках данной темы кафедра подготовила ряд коллективных монографий — «Вопросы философии и социологии», (1971), «Объективное и субъективное в общественном развитии» (1979 и 1981), «Диалектика взаимодействия природы, общества и техники» (1985), «Объективное и субъективное в формировании и развитии социалистического образа жизни» (1987).

Во второй половине 1980-х годов философы кафедры разрабатывают проблемы философской антропологии, издают следующие сборники: «Человек: опыт комплексного исследования» (1986) и «Культура. Техника. Человек: диалектика взаимосвязи» (1991). В это же время преподаватели кафедры активно публикуют свои монографии, защищают кандидатские и докторские диссертации. Среди интереснейших работ того времени необходимо отметить книгу Е. В. Кулебякина «Антропоморфизм, его сущность и роль в становлении общественного сознания» (1985), монографии Ю. П. Попова «Противоречивость связи и развития как основы диалектической логики» (1988) и «Истина всегда конкретна» (1991). Особенно стоит отметить известные в то время далеко за пределами Дальнего Востока учебники и задачки по логике К. Г. Павловой.

В начале 1990-х годов вслед за идеологической перестройкой в сфере интересов ученых кафедры попадает история философии, издаются коллективные монографии: «Русская идея: философия В. С. Соловьева и современность» (1990), «Русская идея: философия Н. А. Бердяева и современность» (1990), «Гегель и современность» (1992).

В 1994 г. через тридцать семь лет со дня основания кафедры, на историческом факультете университета открывается философское отделение. В 1999 г. с созданием отделения теологии и религиоведения появляется факультет философии, теологии и религиоведения, который возглавляет профессор А. А. Биневский (1937–2010).

С набором студентов-философов увеличивается штат кафедры, значительно возрастает количество изданной философской литературы, появляется серия «Философская библиотека ДВФУ», в которой на сегодняшний день вышло уже около сорока выпусков. С момента основания отделения было проведено более двадцати региональных, всероссийских и международных философских конференций, которые не только решали те или иные научные задачи, но и в значительной степени способствовали интеграции дальневосточных философов в общероссийское и мировое философское сообщество (Среди них: «Философское образование на Дальнем Востоке: история, теория, практика» (2000), «Христианство на Дальнем Востоке» (2000), «Уроки Холокоста как путь к толерантности» (2001), «Проблемы сознания в трудах индийских философов и современные аспекты человеческой деятельности» (2004), «Современная философия в контексте межкультурных коммуникаций» (2008), «Преподавание философских дисциплин в вузе: опыт Дальнего Востока» (2011), «Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы» (2011), «Конвенция как методологическая стратегия гуманитарного знания» (2013) и др.).

С созданием Дальневосточного федерального университета выпускающая кафедра философии вошла в состав Школы гуманитарных наук (School of Humanities), где будущих философов теперь готовят в едином междисциплинарном гуманитарном поле с психологами, историками, социологами, журналистами, теологами, религиоведами и др.

Свое двадцатилетие отделение философии встречает в новом современном кампусе на о. Русский. Одним из приоритетных направлений развития Дальневосточного федерального университета является интеграция в образовательную, научную и инновационную среду Азиатско-Тихоокеанского региона. Кафедра философии активно сотрудничает как с отечественными философскими организациями — Российским философским обществом, Ассоциацией философских факультетов и отделений, Учебно-методическим советом по философии и религиоведению УМО по классическому университетскому образованию, журналом «Вопросы философии», так и с их за-

рубежными коллегами — Институтами философии Хэйлунцзянского (г. Харбин) и Цзилиньского университетов (г. Чанчунь). При кафедре успешно функционирует аспирантура и совет по защите кандидатских и докторских диссертаций. В Школе гуманитарных наук издается научный журнал «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке», в философских рубриках которого публикуют свои научные труды философы не только дальневосточных, но и центральных вузов страны.

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: МЕТОДЫ И ОПЫТ

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Е. Рыбас

Вопрос о том, что такое русская философия и как следует изучать ее историю, является сейчас очень актуальным и все чаще становится предметом обсуждения на самых разных уровнях — от неформальных частных бесед до научных конференций. Такое внимание к отечественной философской мысли объясняется в первую очередь тем, что мы живем в эпоху смены культурных парадигм, которая характеризуется, с одной стороны, крушением устоявшихся норм, ценностей и стереотипов, отказом от привычных способов интерпретации прошлого и от идеалов, которые еще недавно считались действенными для определения будущего. С другой стороны, ведется активный поиск новых принципов самоидентификации русской культуры, и поэтому огромные надежды возлагаются на философию как на выдержавший проверку временем опыт национального самосознания.

В современной исследовательской литературе существует множество разнообразных подходов к интерпретации истории русской философии. Однако лишь немногие из них отличаются новизной. Большинство же представляет собой воспроизведение или в лучшем случае развитие тех методологических решений, которые были предложены сто лет тому назад, на рубеже XIX–XX веков, когда в русской культуре происходили примерно такие же парадигмальные изменения, какие наблюдаются и в настоящее время. Это позволяет при анализе основных подходов к изучению истории русской философии опираться прежде всего на уже ставшие классическими исследования

и при помощи их систематизации структурировать позиции современных историков русской философии.

Прежде чем приступить к разбору основных подходов к изучению истории русской философии, следует обратить внимание на некоторые необходимые компоненты историко-философского исследования. Во-первых, изучение истории философии предполагает наличие определенного понимания предметности философии, ее специфики и т. д.; более того, методология историко-философского исследования всецело обуславливается этим пониманием. Во-вторых, важную роль при интерпретации истории философии играет указание на ее начало — точку отсчета исторического движения философской мысли. Вообще вопрос о «начале» философии — это вопрос не фактический, а содержательный, так что исследователь, задаваясь вопросом «когда?», всегда подменяет его вопросом «что?» и тем самым обозначает рамки изучения истории философии и принципы ее истолкования. В-третьих, ключевым моментом является выбор и обоснование правильности критерия исторического развития философии, что делается также исходя из соответствующего представления о философии в целом. При рассмотрении и оценке того или иного подхода к изучению истории философии необходимо учитывать все указанные выше компоненты историко-философского исследования.

Можно выделить четыре основных подхода к изучению истории русской философии: религиозный, сциентистский, идеологический и культурно-исторический. Первым по времени появления и наиболее распространенным является религиозный подход, который, к тому же, во многом определяет принципы идеологического, а также сциентистского способов истолкования истории русской мысли. Культурно-исторический подход кардинально отличается от первых трех и стоит как бы особняком от сложившейся традиции, однако именно он становится все более востребованным в настоящее время.

1. Религиозный подход

Суть религиозного подхода заключается в рассмотрении истории русской философии сквозь призму христианской религии, а точнее — православия. Сторонники этого подхода, как правило, настаивают на самобытности русской философии, на ее абсолютной истинности, противопоставляя традицию отечественного любомудрия западному рационализму. При этом философия в целом понимается как опыт рационального постижения богооткровенных истин религии, как некоторое вспомогательное средство для прояснения существа религиозного знания с целью укрепления православной веры. Философия, таким образом, не имеет собственной проблематики, и не существует никакой особой методологии философского познания, которая бы позволила постичь абсолютную истину без опоры на религиозное откровение.

Историческое начало так понятой философии, очевидно, будет связываться с принятием и утверждением «истинной» религии. Что касается русской философии, то она появляется, согласно сторонникам религиозного подхода, в связи с христианизацией Руси. Отсюда следует, что никакой философии до X века в России не было, и все язычники коснели в «грубом невежестве». Показательной в данном случае является точка зрения С. С. Аверинцева, который утверждал, что «только с принятием христианства русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальные измерения. Она соприкоснулась с теми библейскими и эллинистическими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур (и до известной степени роднят ее с культурой исламского круга). Она осознала себя самое и свое место в ряду, выходящем далеко за пределы житейской эмпирии; она стала культурой в полном значении этого слова»¹. Мнение Аверинцева разделяется всеми сторонниками религиозного подхода к изучению истории русской философии, так что его можно считать выражением одной

¹ Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст-1990. Литературно-теоретические исследования. М., 1990. С. 64.

из важнейших аксиом соответствующей интерпретации историко-философского процесса в России.

Вообще акту крещения Руси религиозные историки философии придают колоссальное значение. Не удивительно, что он истолковывается исключительно в благоприятном ключе, в результате чего негативные последствия христианизации не только не обсуждаются, но изначально и полностью отрицаются. Более того, широко распространена тенденция представлять дело так, будто древнерусские язычники по сути являлись «христианами до Христа», в результате чего принятие христианства позволило им полностью реализовать их собственные «неосознанные устремления». В духе Илариона Киевского, автора «Слова о Законе и Благодати», современные историки русской философии наделяют князя Владимира особыми, сверхъестественными качествами, позволившими ему понять существо сокровенных народных чаяний и совершить правильный выбор веры: «Князь Владимир, обращая свой народ в христианство, пытался сознательно выбрать религию, отвечавшую внутренним потребностям народного духа... Владимир выбрал православие не под влиянием вторичных факторов (например, внешней красоты богослужения), а в силу глубокого духовного родства между национальным мировоззрением и основами православия»².

Многие историки русской философии, придерживающиеся религиозного подхода, подчеркивают, что знакомство новообращенных русичей с античной философией через переводные греческие тексты отцов церкви — каппадокийцев, Иоанна Дамаскина и др. — стало действенным стимулом в развитии собственно русской философской мысли. Так, например, Н. О. Лосский пишет: «Русский народ принял христианство в 988 г. Он получил первое представление о философии только тогда, когда на церковнославянский язык стали переводиться сочинения отцов церкви. К XII в. на Руси имелся перевод богословской системы св. Иоанна Дамаскина, третьей части его книги,

² *Евлампов И. И.* История русской философии: Учебное пособие. СПб., 2014. С. 15.

известной под заглавием “Точное изложение православной веры”. Хотя философское предисловие к этой книге было переведено только в XV в., отдельные выдержки из него появились в “Святославе Изборнике” еще в 1073 г. В XIV в. были переведены сочинения Дионисия Ареопагита с комментариями св. Максима Исповедника. Эти книги наряду с сочинениями других отцов восточной церкви имелись во многих русских монастырях. При помощи подобных сочинений некоторые представители русского духовенства предпринимали попытки продолжать богословские и философские труды византийцев³. При этом подчеркивается особое влияние на древнерусских книжников сочинения Иоанна Дамаскина, в котором предлагалось довольно широкое понимание философии (она определялась как постижение сущего, познание вещей божественных и человеческих, помышление о смерти, уподобление Богу, искусство искусств и наука наук, любовь к мудрости, т. е. к Богу, поскольку истинная мудрость есть Бог). Именно такое, всестороннее понимание философии, согласно Лосскому и большинству других религиозных историков русской философии, и получило в дальнейшем закрепление в России.

Критерий исторического развития русской философии, согласно сторонникам религиозного подхода, заключается в степени сближения философии с православием, или «воцерковления мысли». Тем самым определяется и основная задача «отечественного любомудрия». Как выразился Лосский, «все развитие русской философии нацелено на истолкование мира в духе христианства»⁴. Это принципиальное для сторонников религиозного подхода положение высказал еще В. Н. Воскресенский, которому принадлежит первый опыт исторической систематизации русской философии — «История философии архимандрита Гавриила» (1840). В дальнейшем идея сопоставления «истинной философии» (русской) и «истинной религии» (православия) с целью указания на их взаимозависимость и сущностное единство стала основополагающей для большинства историков русской фило-

³ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 5.

⁴ Там же. С. 473.

софии, придерживавшихся религиозного подхода к истолкованию ее истории. В качестве примера можно привести такие ставшие уже классическими работы, как «Русская философия» (1919) А. Ф. Лосева, «Очерк истории русской философии» (1921) Э. Л. Радлова, «История русской философии» (1948) В. В. Зеньковского, «История русской философии» (1951) Н. О. Лосского.

В результате интерпретации истории русской философии в контексте православия выработались соответствующие представления о ее проблематике. Большинство исследователей русской философии, настаивая на том, что своеобразие русской философии определяется духовной средой, а она, в свою очередь, обусловлена православием, выделяют следующие особенности русского любомудрия.

Во-первых, это онтологизация истины, то есть истина становится не только элементом мышления, но и элементом бытия. Это обусловлено тем, что в традиции русского православия проблема спасения решается не «юридически», как на Западе, где человек рассчитывает на возможность оправдаться своими хорошими делами, а исходя из идеи «обожения», что предполагает подражание Христу, а значит, жизнь в Истине, поскольку подражать Христу теоретически нельзя, а необходимо принять его учение как реальность и тот единственный путь, по которому и следует идти.

Во-вторых, русскую философию характеризует установка на обретение цельного знания, которое представляет собой синтез веры, разума и воли и противопоставляется западному идеалу знания как гармонии веры и разума. Именно поэтому русская философия не выделяется, в отличие от философии западной, в отдельную, автономную сферу знаний, а сохраняет свою диффузность, то есть институциональную и тематическую неопределенность, которая оберегает русских философов от сухого профессионализма и ограниченности специалистов. Русская философия, таким образом, не отрывается от жизни и находит в ней свое последнее оправдание, а значит, не нацелена на ее изменение согласно своим теоретическим выводам. Появившаяся в конце XVIII в. противоположная тенденция в русской мысли, нацеленная на утверждение идеалов рационализма и атеизма

и отстаивающая активную позицию в отношении к действительности, является, по мысли адептов православной философии, случайной в России и не может рассматриваться как отрицание отечественной традиции.

В-третьих, русская философия отличается своеобразным эстетизмом, вытекающим из принятия новозаветной заповеди о любви к ближнему, которая понимается в том числе и как любовь к миру, как творению Бога. На Западе, наоборот, усваивается ветхозаветная идея владычества человека над природой и культивируется утилитарное отношение к окружающей среде, что приводит в итоге к торжеству техницизма и прагматизма. Что же касается русской мысли, то господствовавший в ней эстетизм становится основанием для известного литературоцентризма, им же объясняется ее эволюция в сторону космизма.

В-четвертых, особым является в русской философии и отношении к личности. Ничто не является таким чуждым для отечественных мыслителей, несовместимым с их философскими взглядами, как индивидуализм и эгоизм, нашедшие признание на Западе. Изначально русская мысль ориентируется на иное понимание человека и ценности его существования, подчеркивая принцип соборности как наиболее правильное выражение существа человека. Разумеется, соборность, выступающая в качестве альтернативы индивидуализму, не тождественна коллективизму и так же противостоит ему, ибо индивидуализм и коллективизм одинаково уничтожают личность: с одной стороны, она утверждается как автономная ценность и тем самым лишается действенной основы своего существования, отрывается от других личностей и превращается в ничто, а с другой, в коллективе, представляющем собой механическое сочетание индивидуумов, личность нивелируется, поскольку единство достигается при помощи внешних, второстепенных факторов. Соборность, как она продумывается в русской философии, это указание на возможность обрести единение в подлинном, духовном основании человеческой жизни, причем так, чтобы личность человека, растворяясь в «мы» и теряя свое «я», стала совершенной и ценной уже не в относительном (земном), а в абсолютном (вечном) смысле.

В-пятых, русская философия выступает как поиск церковности. Ей свойственна троичная полнота — достоинство, принципиально отличающее ее от западной философии, которая является «тринитарно ущербной». Если проблематику западной философии так или иначе определяет кантовская парадигма — эффективно работающая форма неполноты с ее антиномизмом и рационализацией веры, то русская философия, опираясь на церковь, развивает троичное мышление и призвана обеспечить надежность и непротиворечивость выводов — положительных утверждений, в которых диалектически будет схвачена суть бытия в ее формальной невыразимости.

Наконец, в-шестых, фундаментальной темой русской философии является Россия, и это неслучайно. Россия как проблема метафизики была заявлена еще П. Я. Чаадаевым и с тех пор стала необходимым элементом всех философских систем, определяя их своеобразие и преемственность. В известном смысле можно сказать, что Россия — это и есть русская философия, потому что никакая другая национальная философия не сосредоточена так на самой себе, на осмыслении пространства собственного присутствия, как философия русская. Обладая полнотой, она не является, однако, завершенной, поскольку проясненным оказывается главное и остается необходимость разработки деталей. Вот почему не русская философия должна включаться в мировую философию на правах составной ее части, а, наоборот, вся мировая философия должна быть включена в русскую философию: западный рационализм, например, поможет разобраться с частностями, упорядочить их и прояснить их конкретное содержание.

Перспективы развития русской философии сторонники религиозного подхода видят в уяснении своеобразия отечественного любомудрия и в сохранении православной доминанты русской мысли, что предполагает отрицание возможности альтернативных позиций и векторов развития русской мысли.

2. *Сциентистский подход*

Вторым наиболее распространенным подходом к изучению истории русской философии является подход, предполагающий рассмотрение философии с точки зрения объективного знания. Сторонники этого подхода понимают философию как науку (или как науку наук) и, как правило, отрицают самобытность русской философии, трактуют ее как заимствование.

Конечно, и те исследователи, о которых речь шла выше, истолковывая русскую философию в контексте религиозной веры, полностью бы согласились с тем, что философия — это знание, а не выдумка праздного воображения. Так, например, тот же Н. О. Лосский писал в заключительной главе своей «Истории русской философии»: «Философия — это наука. Как и всякая другая наука, философия стремится к установлению строго доказуемых истин не для избранных народов или наций, а для всех мыслящих людей»⁵. Более того, он признавал, что «философия даже в наши дни находится на более низком уровне развития, чем, например, такие науки, как математика или физика»⁶. Именно недостаточной развитостью философии как науки Н. О. Лосский объяснял факт существования многочисленных философских школ, иногда прямо противоположных и крайне враждебных друг другу, а также «ошибки» в наиболее значительных философских системах. То, что философия может отражать характер и интересы тех народов, которые занимаются ею, также является следствием неразвитости философского познания. Однако философия, как наука, согласно Н. О. Лосскому, возможна только в результате ориентации на религию, вследствие признания особой важности мистического опыта, что и делает его интерпретацию истории русской философии религиозной.

Сциентистский подход, в отличие от религиозного, предполагает не только сведение философии к знанию, но и претензию на самодостаточность философского познания. Такая позиция зачастую при-

⁵ Там же. С. 468.

⁶ Там же. С. 469.

водит исследователей к противопоставлению философии и религии, а иногда и к полному отказу признавать какое бы то ни было значение религиозного опыта для философского познания.

Одним из ярких представителей сциентистского подхода является А. И. Введенский, который в работе «Судьбы философии в России» (1898) утверждал, что начало русской философии следует связывать не с крещением Руси, а с открытием Московского университета (1755), и именно потому, что только с середины XVIII в. философия становится в России предметом профессионального изучения и преподавания, т. е. перестает быть «безжизненной схоластикой» и понимается как знание. Примечательно, что А. И. Введенский, истолковывая историю русской философии как последовательную эволюцию системы знаний, выделил ряд периодов: «подготовительный», «господства германского идеализма», «вторичного развития», сделав вывод о том, что только в настоящее время можно надеяться на то, что «русская философия воспитает деятелей, имеющих для жизни России значение не меньшее, чем славянофилы с западниками, а для философии всего мира такое же, как и Лобачевский»⁷. Эту мысль продолжил Г. Г. Шпет в «Очерке развития русской философии» (1922). Понимая философию как «строгую науку», он представил историю русской философии как процесс ученичества, разделив его на этапы: «невегласие», «около школы», «по прописям», «по линейкам», «первые испытания», «первые ученики». Вывод, к которому пришел Г. Г. Шпет, вполне соответствовал позиции Введенского: «Философское сознание как общественное сознание, философская культура, сама чистая философия как чистое знание и свободное искусство в России — дело будущего»⁸.

Современные сторонники сциентистского подхода вообще, как правило, отвергают возможность «русской» философии и в практике оправославливания философии видят не преимущества, а недостатки, мешающие ее дальнейшему развитию. Их аргументация строится на основе критики партикуляризма и выражается примерно в следующем.

⁷ Введенский А. И. Судьбы философии в России. М., 1898. С. 43.

⁸ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. М., 2008. С. 59.

Прежде всего, обращают внимание на факт сознательного противопоставления русской философии, как особой и даже уникальной традиции, философии Запада. Отсюда возникает известный вопрос: что же в действительности имеет место — русская философия или философия в России? Разумеется, поскольку философия представляет собой универсальное знание, то она не может быть национальной, партикулярной. Или философия есть — и тогда она одна для всех, или ее нет — и тогда она может быть какой угодно: русской, французской, итальянской и т. п. Следовательно, факт наличия русской философии, как такой философии, которая противостоит западной и настаивает на своей уникальности, доказывает не превосходство русской мысли, а свидетельствует о ее недостаточной развитости. Специфически русские вопросы, такие, как «Кто мы?», «Что делать?» и «Кто виноват?», вообще имеют маргинальный статус и не могут считаться собственно философскими вопросами, а тезис о «русской идее» носит сугубо идеологический характер.

Причины появления «собственно русской» философии объясняют, как правило, следующим образом. Дело в том, что отечественные мыслители, находясь в ситуации фактического отсутствия философии как института, не имея возможности открыто выражать свои мысли и постоянно испытывая на себе давление государственной идеологии, были вынуждены, с одной стороны, заниматься разработкой частных вопросов и практически не затрагивали проблем универсального значения, а с другой, не могли оставаться в стороне от реалий неустроенной российской жизни. Такая сосредоточенность на «больных вопросах», доходящая до пренебрежения к академическому, «сухому» знанию с его установкой на объективность, имела свое историческое оправдание и была необходима в свое время, однако сейчас, говоря о русской философии, не следует выдавать желаемое за действительное и «делать из порока добродетель». Гораздо полезнее будет признать, согласившись с А. И. Введенским, Г. Г. Шпетом, Б. В. Яковенко и другими авторитетами, что русская философия существует пока что всего лишь как проект, а не как факт и тем более не как традиция самобытного мышления.

Показательной и поучительной является в данном случае судьба учения В. С. Соловьева. Известно, что он не рассматривал свою систему как начало собственно русской философии, полагая, что вообще нет никаких «задатков самобытной русской философии» и что философия в России всегда была подражанием. В. С. Соловьев считал, что он занимается решением проблем, имеющих значение для всего мыслящего человечества, однако сейчас его «философия всеединства» стала одной из наиболее действенных идеологием, активно используемых как раз для обоснования особого статуса русской мысли, ее превосходства над всеми остальными формами философского творчества.

Согласно сторонникам сциентистского подхода, теоретическая неразвитость русской философии обусловила, с одной стороны, ее зависимость от философских течений Запада, а с другой, тенденцию к идеологизации. Вот почему возникает странный, на первый взгляд, синкрет православия, науки, мессианизма и дилетантизма, который и называют обычно русской философией. Подобно тому, как русская литература XIX в., скрывая свою молодость, с юношеским максимализмом взялась решать глобальные вопросы и таким образом создала себе имидж литературы мирового значения, так и русская философия, вместо того чтобы учиться у Запада, постаралась перепрыгнуть его и спрятать за личиной внешнего презрения собственную неполноценность. Феномен русского марксизма является в данном случае наиболее ярким доказательством этого тезиса. Известно, что, зародившись в России как творческая интерпретация классического марксизма и инициировав целый ряд философских споров, русский марксизм, по мере своего развития, эволюционировал в сторону идеологии, а с изменением политического режима превратился в «единственно верное» учение, исключающее инакомыслие и философское творчество. В советское время официальный марксизм играет ту же роль, что и церковное православие в дореволюционной России, причем характеризуется такой же замкнутостью и нарциссизмом, а также догматизмом и формализмом.

Общий вывод сторонников понимания философии как объективного знания заключается в следующем: необходимо теоретически

признать философию, ориентировать ее на научность и объективизм, с тем чтобы не замыкаться в решении специфически русских вопросов, которые ни в коем случае не могут быть вопросами универсальными; нужно также отказаться от привычной позы учительства в философии и признать свое ученичество, не стесняться им и относиться к философской мысли Запада с должным уважением и вниманием.

3. Идеологический подход

Наиболее популярным подходом к изучению истории русской философии является сейчас идеологизация. Суть этого подхода заключается в том, что проблематика русской философии, ее историческое развитие трактуются исходя из не критически воспринятого или же идеологически востребованного представления о том, что должна представлять собой философия. Именно это представление и становится критерием создания канона русских философов, а также оценки их достижений. Целью идеологизации является превращение истории русской философии в удобную объяснительную схему существующего положения дел или же в способ легитимации официально принятых ценностей, политического курса, социально-экономических реформ и т. д. Вследствие применения идеологического подхода позиция исследователя как бы выносится за рамки истории и объявляется единственно верной, что и позволяет ему ранжировать предшественников, выносить категорические суждения относительно их «вклада» в философию.

Необходимо заметить, что описанные выше два подхода к изучению истории русской философии не исключают идеологизации и даже могут рассматриваться как ее вариации. Но если сторонники первого подхода акцентируют внимание на религиозности, второго — на объективном познании, то третий подход предполагает прежде всего сюжетную интерпретацию истории русской мысли. В результате история русской философии становится материалом для создания художественного произведения, и основным показателем его успешности выступает не всестороннее освещение философских учений,

а способность заинтересовать широкие круги читателей. Это достигается при помощи известных литературно-художественных средств (экспозиция, завязка, интрига, конфликт, кульминация, счастливый финал), а также риторических приемов (персонификация русской философии, пафосность, драматизация, апелляция к патриотическим чувствам, спекуляция на чувстве неполноценности и т. д.). Благодаря сюжету самые разные философские позиции легко сочетаются друг с другом, подчиняясь логике повествования.

Очевидно, что идеологизация приводит к предельной редукции представлений об историческом развитии философии. Дело в том, что как только русская философия представляется как целое, с точки зрения ее завершенности (а завершенность — важнейшее требование сюжетного произведения), она персонифицируется, становится героем трагического повествования, обретает «судьбу», «миссию», «цель», «смысл» и т. д. Очевидно, что судьба — это не просто история, а, скорее, то, что позволяет «преодолеть» историю, «вырваться» из нее. Повествование о судьбе предполагает и требует заинтересованного, или «участного», слушателя, а не «холодного» исследователя. Слушатель этот отличается тем, что всегда готов закрыть глаза на ряд допущений и деталей, поскольку они способны отвлечь внимание или даже исказить логическое развертывание сюжета. Таким образом осуществляется полное погружение в пространство повествования, и граница между условностью художественного текста и исторической реальностью постепенно стирается, а потом исчезает, в результате чего сюжет начинает восприниматься уже не как средство интерпретации истории философии, а как ее действительное содержание.

В качестве примера идеологического подхода к изучению истории русской философии можно привести работу А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «Русская философия IX–XIX веков» (1970). Несмотря на достаточно обстоятельный анализ отдельных философских учений, изложение в целом строится здесь при помощи сквозной идеи, которая и определяет логику сюжета. Так, согласно авторам, русская философская мысль, характеризующаяся в основном отсутствием системотворчества, отвлеченного теоретизирования и стремлением

заимствовать достижения западной философии, органично развивалась «в направлении к диалектическому материализму, материалистическому объяснению истории и пролетарскому социализму»⁹. Таким образом, русская философия изначально была промарксистской и долго до появления марксизма смогла сформулировать или предугадать основные положения «научной философии». Интерес к истории русской философии определяется выявлением «скрытых» тенденций ее развития и «правильных» решений.

С изменением идеологической ситуации в России и вследствие отказа от «единственно верной» философии появились разнообразные сюжетные интерпретации истории русской философии. Некоторые из них отражали «моду» на то или иное современное философское учение, другие строились посредством апелляции к традиции, под которой понималась, как правило, «самобытно-русская» религиозная философия.

Одной из попыток интерпретации истории русской философии при помощи «модной» философской доктрины (а именно «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера и феноменологии Э. Гуссерля) является работа А. М. Сергеева «Россия и мир» (1997). Здесь развитие русской философии представлено на манер истории забвения бытия, только основными героями повествования являются «Россия», «мир» и «культура». Говоря о России, А. М. Сергеев имеет в виду не конкретное государство или социальное устройство, а определенный опыт философского осмысления сущего, место драматического противоборства «мира» и «культуры». Далее, «мир» — это непространственное духовно-метафизическое измерение России, место присутствия человека бытийствующего, некая сфера символической нагруженности, своеобразный модус бытия, неразделимая целостность. «Культура» возникает вследствие утраты онтологических оснований России из-за извращения идеи рациональности, это средство приручения мира, то есть его изгнания из горизонта мысли с целью замены его

⁹ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX–XIX веков. Л., 1989. С. 707.

картиной мира. Противостояние «культуры» и «мира» определяет содержание и динамику всех явлений, а также судьбу России в целом. Особо важную роль при этом играет философия, которая, согласно А. М. Сергееву, возникает тогда, когда человеку удастся расцепить действие физических закономерностей и осуществить «феноменологический сдвиг», чтобы реализовать себя в качестве существа самостоятельного и нефизического, способного «видеть не предметы, а предметами»¹⁰. Философия представляет собой «способ соответствия миру», или «способ ответственного миру»¹¹, и именно она открывает бытийствующее царство смыслов, дающее человеческой жизни и всему сущему метафизическое измерение.

Представляя историю русской философии как историю забвения Россией мира, А. М. Сергеев предлагает довольно интригующий сюжет, согласно которому философская мысль в России проходит четыре этапа в своем развитии. Первый этап — это начало русской философии: она начинается в XIX в. с П. Я. Чаадаева, философское одиночество которого характеризовалось способностью поэтизировать сущее и наделять его метафизическими именами, причем в русской транскрипции, благодаря чему возникли благоприятные условия для появления «реального мышления», т. е. философии, говорящей о «мире» на русском языке. Второй этап — вытеснение еще не устоявшегося «мира» «культурой»: страстные споры славянофилов и западников определили незавидную судьбу «мира», которому пришлось надолго исчезнуть из поля зрения философов, занявшихся публицистическими и политическими проблемами, в результате чего произошла смена «миро-восприятия» «миро-воззрением» и сам «мир» попал в границы привычки. Третий этап — это апогей «культуры»: «мир» полностью сокрылся в небытие, торжествующая «культура» беспрепятственно культивирует новую онтологию, обожествляя сущее и подчиняя ему все философские изыскания; это время расцвета нигилизма и идеологизма: даже те из философов, которые пытались

¹⁰ Сергеев А. М. Россия и мир. Петрозаводск, 1997. С. 123.

¹¹ Там же. С. 45.

говорить о всеединстве, о новом религиозно-философском сознании, о возрождении подлинной русской философии и т. д., а также те, кто занимался критикой нигилизма и догматизма, так или иначе находились в плену у идеологии, будучи не в состоянии вырваться из пут извращенной рациональности. Наконец, четвертый этап — возвращение русской философии к своим истокам, подлинное возрождение русской духовности, раскрепощение «мира» и воссоздание исконного онтологического фундамента бытия благодаря открытию чистой рациональности и феноменологии. Таким образом, историческое движение русской философии завершилось, т. е. наступило время не обращать внимание на временное, чтобы заняться вечным.

Типичным примером сюжетной интерпретации истории русской философии при помощи апелляции к религиозной традиции является концепция С. С. Хоружего, представленная им в работе «После перерыва. Пути русской философии» (1994) и многих других сочинениях. Согласно С. С. Хоружему, русская философия начинается с «фундаментальных» трудов великого философа — В. С. Соловьева. Затем следует «расцвет» самобытно-русского любомудрия — «знаменитая метафизика Серебряного Века», когда «русская мысль имела цветущую философию с созвездием выдающихся имен», находясь «в стадии бурного подъема». Этот метафизический подъем прерывается, однако, грубым вмешательством нехороших и далеких от философии людей, совершивших «октябрьский переворот» и сделавших невозможным дальнейшее развитие русской мысли, в результате чего почти все выдающиеся философы были вынуждены эмигрировать. Центральным и наиболее драматическим моментом, кульминацией сюжета является эпизод с «философским пароходом», который вывез из России Россию, то есть все то, что было в ней ценного, мыслящего и собственно русского, способного традировать отечественную культуру в целом. После изгнания философии из России — факт, который получает отдельное историософское осмысление, — образуется философская диаспора, объединенная «миссией» и «духовным заданием», которые она, разумеется, выполняет, несмотря на все трудности и несчастья, переживаемые «в рассеянии». Наконец, счастливый финал:

победоносное возвращение русской философии в Россию, тотальное признание отверженных когда-то философов, полное издание их сочинений и как результат — реанимация традиции, «восстановление неких сущностных черт православного образа мышления, Восточно-христианского дискурса». Теперь перед русской философией открываются задачи вселенской значимости — например, она должна найти средства обновления европейской философии, указать ей правильный путь развития, воссоздав «единство европейского разума» и определив сущностные моменты, или «положительные начала», новой парадигмы философского мышления, которую С. С. Хоружий называет «синергийной». Примечательно, что важнейшим персонажем в исторической драме русской философии С. С. Хоружего является «дискурс синергии», который способен, например, вступать в диалог с читателем, пафосно наставляя его на путь истинный. Дискурс синергии способен самостоятельно рассказать и о собственной судьбе, проясняя тем самым свое существо. «И он говорит: здешнее бытие не управляемо ни железною предопределенностью, ни слепым случаем. Оно — арена Богочеловеческого сотрудничества-диалога, в котором человек наделен всей полнотой свободы и всей полнотой ответственности; и решающее здесь — стихия энергий личного бытия, стихия нравственно-волевых начал...»¹².

4. Культурно-исторический подход

Этот подход принципиально отличается от предыдущих тем, что философия здесь понимается как феномен культуры, результат творческой деятельности человека, обусловленной конкретными социально-историческими реалиями. Очевидно, что изучение истории русской философии должно вестись исключительно в контексте культуры. В этом случае вопрос о начале философской мысли в России вообще не ставится, так как он не имеет смысла, потому что человек всегда был и будет существом творческим, он всегда занимался культурным

¹² Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 14.

строительством, а значит, никогда не мог обходиться без философии. Критерий исторического развития русской философии определяется при этом не глубиной познания объективной реальности и не прояснением содержания истинной религии, а исключительно влиянием философских идей на культурную жизнь общества, их способностью определять перспективы культурного роста. Сторонники культурно-исторического подхода настаивают на необходимости комплексного изучения истории русской философии, пытаются отказаться от противопоставления русской и западной традиций, а также от других стереотипов, как, например, убеждения в необходимости построения «канона» русских философов, что предполагает разделение их на «великих», или «подлинных», и второстепенных.

Одним из первых русских философов такую позицию отстаивал П. С. Юшкевич. В работе «Мировоззрение и мировоззрения» (1912) он отстаивал тезис о том, что история философии демонстрирует не поступательный рост знания, обязательного для всех, а множество попыток объективировать субъективное понимание абсолюта. При этом абсолюта, согласно П. С. Юшкевичу, является таковым только с точки зрения той задачи познания, которую человек перед собой ставит и которая требует вынесения суждений о сущем в целом, а не в смысле инвариантной предметности философии, обуславливающей ее научность. Такой предметности вообще нет, если ее понимать как нечто не зависящее от познавательной активности конкретного индивида. Очевидно, что если бы философы интуитивно или как-то иначе постигали один и тот же предмет, пусть даже и не допускающий адекватного выражения, то они смогли бы, по крайней мере, выработать некоторые общие принципы философствования или хотя бы сошлись в том, что представляет собой тот особый орган познания, который позволяет выходить за пределы возможного опыта. Но, знакомясь с историей философии, мы убеждаемся, как показывает П. С. Юшкевич, в обратном — в том, что каждое философское учение несет на себе неповторимую печать своего создателя и является его уникальным творением. «Философская интуиция, — пишет П. С. Юшкевич, — это изумительной силы прожектор, но освещает он не мир, а философа

в мире. Не абсолюта достигаем мы с помощью ее, не мировой пучины, а глубины своего собственного “я”»¹³. Философские системы потому и не содержат в себе общеобязательного знания, что они представляют собой не безличное описание мира (его начал, сущности и проч.), а самоотчеты творческих личностей, по-разному воспринимающих этот мир. Специфика философии заключается, таким образом, в том, что она представляет собой опыт осмысления мира как целого, но не самого по себе, а с точки зрения культурно-исторической эпохи, или, точнее, конкретного человека, который принадлежит к данной эпохе и по-своему выражает ее. «Философия — это своеобразная целостная психологическая реакция человека на совокупность сущего. Основной философский вопрос гласит: “Что есть все? Что значит это “все” для меня и что я значу в нем?”»¹⁴. Итак, делает вывод П. С. Юшкевич, «философия (как мировоззрение) совсем не наука, а только наукообразна, и в своем развитии подчиняется поэтому совсем иной закономерности, чем развитие науки»¹⁵. Философ не описывает сущее с объективистско-безличной точки зрения, а заинтересованно утверждает свое место в мире, который сам и создает. Философ — это не бесстрастный систематизатор знания о сущем, а «иллюминат», «поэт космоса», которому удастся увидеть его как целое «в ослепительном озарении одной идеи, одного чувства» и затем довести свое мировидение до степени миропонятия, развернув «междометие» первичной интуиции в «стройную и связную грамматическую фразу»¹⁶.

Культурно-исторический подход к изучению истории русской философии получает в последнее время все большее распространение, хотя не всегда ему следуют осознанно. Зачастую случается так, что исследователь, позиционируя себя в качестве сторонника религиозной или сциентистской интерпретации философии, пытается избежать недостатков соответствующего подхода и в результате рассма-

¹³ Юшкевич П. С. Мировоззрение и мировоззрения: Очерки и характеристики. М., 2011. С. 173.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 179.

¹⁶ Там же. С. 10.

тривает историческое развитие русской мысли в контексте культуры.

Среди сочинений, в которых сознательно реализован культурно-исторический подход к изучению истории русской философии, следует назвать работы А. Ф. Замалеева, и прежде всего «Самосознание России» (2010). Основным тезисом, задающим тон всему исследованию, является здесь утверждение, что «нет философии вообще, есть философия отдельных личностей»¹⁷. Критикуя существующие историко-философские методы, А. Ф. Замалеев предлагает свой, «компаративистский», который сочетает в себе, «во-первых, сравнительно-сопоставительный подход, предназначенный для “горизонтального” изучения философии, т. е. выявления общего содержания различных концепций, относящихся к одной и той же исторической эпохе, и, во-вторых, историко-генетический, дающий “вертикальный” срез и позволяющий зафиксировать сходство философских систем как результат их родства по происхождению»¹⁸. Как можно заметить, такое «горизонтально-вертикальное» изучение философии является ни чем иным, как одной из вариаций культурно-исторического подхода. Именно поэтому А. Ф. Замалеев обнаруживает философию не только и даже не столько в собственно философских трактатах (каковых, кстати, было совсем немного в России), сколько в сочинениях, имеющих отношение к богословскому, литературно-художественному и народному творчеству. Такое расширение предмета исследования вполне оправданно, потому что русская философия изначально рассматривается как одна из частей культуры. История философии, таким образом, обуславливается развитием культуры и отражает парадигмальные трансформации последней. Культура, согласно А. Ф. Замалееву, «идеократична». Это обозначает, что она «воплощает определенную идею, которая пронизывает дух и самосознание нации, формирует ее мировоззрение и нравственные ориентации»¹⁹. Эволюция культуры происходит вследствие смены идеократических

¹⁷ Замалеев А. Ф. Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре. СПб., 2010. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 348.

констант (византизм, европеизм, советизм), которые доминируют в соответствующую историческую эпоху. Утрачивая свое доминантное положение, идеократические константы не исчезают, а продолжают существовать и оказывают определенное влияние на культуру в целом, обуславливая ее многогранность. Русская философия также идеократична, и специфика ее заключается в разрыве и преемственности различных традиций, каждая из которых одинаково важна для понимания историко-философского процесса.

В заключение следует отметить, что в процессе преподавания необходимо учитывать все четыре описанных выше основных подхода к изучению и интерпретации истории русской философии, потому что, во-первых, они во многом дополняют друг друга и, во-вторых, каждый из них может быть использован для достижения конкретных целей. Вопрос же о том, какой из этих подходов является истинным или более предпочтительным, можно оставить без ответа.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ

А. В. Смирнов

В данной статье представлено мнение по поводу того, какое место в современном культурфилософском образовании занимают вопросы изучения предметной среды. В основе статьи лежит практический опыт преподавания дисциплин, связанных с теоретическим осмыслением предметной среды и формированием исторического кругозора в данной области, накопленный кафедрой культурологии Санкт-Петербургского государственного университета. В отечественной науке понятие «предметная среда» рассматривается, как правило, в качестве объекта и результата творческой созидательной деятельности, в силу чего оно применяется, в основном, в исследованиях по теоретическим аспектам современного дизайна. Поскольку в задачу статьи не входит установление строгой терминологической дефиниции данного понятия, предметная среда понимается в ней в широком смысле, как система артефактов и форм их присутствия в культуре.

Круг вопросов, дающих студентам представление о закономерностях развития предметной среды, рассматривается в дисциплине «Материальная культура», которая является важным компонентом формирования профессиональных компетенций студентов-культурологов, поскольку именно она знакомит студентов с основами современных методов изучения социокультурной реальности.

Вопросам изучения предметной среды уделялось значительное внимание в отечественной системе гуманитарного образования. Об этом свидетельствует наличие в учебных планах дисциплин, в назва-

ниях которых терминологически присутствует «материальная культура». Наиболее распространенной является дисциплина «История материальной культуры», которая (с некоторыми вариациями в названии) присутствует в учебных планах подготовки по таким специальностям или направлениям, как «Музееведение», «Этнография», «История», «Регионоведение», а также в ряде творческих специальностей. Дисциплины с подобным названием, широко распространенным в отечественном гуманитарном образовании, предполагают, как правило, изучение традиционного быта того или иного этноса или истории предметной среды (или части таковой) одного или нескольких историко-культурных периодов. Однако учебников, ориентированных на изучение данной предметно-тематической области, так и не было создано. Содержание тематических разделов программ или учебно-методических комплексов, разработанных в различных вузах России, в значительной степени определялось, в основном, личными научными возможностями и интересами их составителей и в несколько меньшей степени специальностью, в рамках которой данная дисциплина преподавалась.

Формирование культурологии в качестве самостоятельной области гуманитарного знания и, соответственно, новой специальности высшего профессионального образования потребовало повышенного внимания к вопросам изучения предметной среды, что и привело к появлению в государственных стандартах и учебных планах такой дисциплины, как «Материальная культура». Такое название дисциплины, связанной, прежде всего, с изучением закономерностей формирования предметной среды и культурного статуса вещей, было сформировано с учетом материалистического подхода к изучению культуры, который преобладал в отечественном гуманитарном знании в момент формирования специальности «Культурология». Присутствие термина «материальная культура» в названиях дисциплин, ориентированных на изучение предметного мира, было во многом связано с тем, что в марксистской теории культуры было принято выделять материальную культуру, в противоположность духовной, в качестве отдельной составляющей. Понятие «предметная среда», хотя и применялось в

гуманитарном знании, было распространено существенно меньше, преимущественно в дисциплинах, связанных с подготовкой специалистов творческих специальностей, в основном, в области технической эстетики.

При этом содержание дисциплины «Материальная культура» согласно ГОС ВПО 1997 г. (ныне известного как «стандарт первого поколения»)¹ по специальности «Культурология» подразумевало изучение таких дидактических единиц, как «социокультурные факторы формирования материальной культуры; категории материальной культуры и номенклатура предметов; образы материальной культуры исторических эпох; исторический ландшафт и его основные составляющие; структура интерьера различных культурных эпох; проблема утраты памятников материальной культуры, перспективы и принципы их сохранения». Данный набор, с одной стороны, давал некоторую свободу интерпретации, но, с другой стороны, свидетельствовал о стремлении максимально «историзировать» содержание данной дисциплины.

Многообразие современных методов анализа социокультурных феноменов привело к отказу от строгого противопоставления духовной и материальной составляющих культуры, что потребовало пересмотра сложившегося в отечественном высшем образовании подхода к изучению предметной среды. Свойственное материалистическому пониманию культуры разделение культурной реальности на материальную и духовную составляющие имплицитно содержит в себе возможность построения принципиально различных культурфилософских моделей этих составляющих. Это приводит к тому, что изучение материальных и духовных аспектов культуры зачастую осуществляется в несопоставимых теоретических категориях, что не обеспечивает методологического единства культурфилософского знания. Сложности и методические проблемы, возникающие при разработке содержания

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по специальности 020600 — «Культурология». М., 1997. — URL: <http://www.countries.ru/library/methoda/gostreb.htm>

данной дисциплины, связаны с отсутствием всеобъемлющей теории материальной культуры как таковой. Это приводит к тому, что концептуально-теоретический базис данной дисциплины необходимо эксплицировать из какой-либо признанной и распространенной теории культуры. Наиболее систематично интересующие нас проблемы и вопросы проработаны в марксистской концепции материальной культуры, что нашло выражение в преобладании в отечественной образовательной практике эволюционистского подхода к изучению предметной среды.

Появление новых для отечественной науки культурфилософских моделей потребовало значительных методических новаций, направленных на интерпретацию многообразия предметного мира именно с точки зрения науки о культуре, а не с точки зрения исторических дисциплин. И хотя образовательные стандарты второго и третьего поколения по специальности и направлению «Культурология» уже не требуют присутствия в учебном плане дисциплины «Материальная культура» в качестве обязательной для изучения, тем не менее, присутствие в вариативной части учебного плана дисциплины, связанной с изучением культурфилософских моделей анализа предметной среды, представляется оправданным.

В качестве возможных рассматривались два направления развития данной дисциплины. Первое из них состояло в том, чтобы наполнить содержание дисциплины максимальным количеством фактов, расширяя тем самым эрудицию обучающихся в области изучения различных областей материального мира (костюм, пища, интерьер, жилище, транспорт...). Второй путь был направлен на формирование комплекса представлений о теоретических концепциях, описывающих закономерности формирования и трансформации предметной среды и складывающихся в различных интеллектуальных традициях современной науки о культуре. Именно такой подход и был взят за основу составления программы дисциплины, поскольку первый путь, скорее, подразумевал либо изучение истории предметной среды, либо истории декоративно-прикладного искусства.

Поэтому основной целью освоения дисциплины «Материальная культура» стало ознакомление студентов с теоретическими основами

анализа материально-объективированных явлений культуры в сфере производства и потребления, а также культурных форм, связанных с этими сферами. Такая направленность дисциплины позволила в максимальной степени использовать методологический инструментарий социальной философии и философии культуры, на овладение которым нацелена подготовка студентов-культурологов в СПбГУ.

Формирование компетенций в области знания закономерностей развития и функционирования предметной среды, осуществляемое в результате изучения дисциплины, предполагает решение ряда задач, в качестве важнейших из которых мы выделили следующие: обоснование взаимосвязей форм материальной культуры, производства и потребления с различными формами социальной организации, ознакомление студентов с ключевыми для понимания современных методов изучения материальной культуры текстами и выработку у обучающихся навыков анализа социокультурных феноменов и процессов с помощью методов современной науки о культуре.

С целью определения круга проблем, составивший основное содержание лекционного курса «Материальная культура», был изучен отечественный опыт преподавания дисциплин, связанных с вопросами изучения предметной среды. К их числу можно отнести такие дисциплины, как «История материальной культуры», «Вещь в пространстве культуры», «Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования», входившие в учебные планы подготовки специалистов и бакалавров в целом ряде вузов России. В ряде вузов имеется позитивный опыт создания программ дисциплин данной тематики, основанный на актуальных культур-философских и социально-антропологических методах и ориентированный на современный уровень исследований предметной среды и затрагивающих ее социокультурных процессов. К числу таковых следует отнести, в частности, программу по дисциплине «Социальная символика материальной культуры», составленную Н. К. Иконниковой (ГУ — ВШЭ, Москва)².

² Иконникова Н. К. Социальная символика материальной культуры. Программа дисциплины. М.: ГУ–ВШЭ, 2009.

Специальной культурфилософской теории современной предметной среды (за исключением попыток, имевших место в эволюционистской теории культуры, например, в работах М. А. Коськова³, так и не было создано. В рамках эволюционистского подхода была сформирована концепция материальной культуры, позволившая создать теоретическую модель развития предметной среды на стадии появления и начального развития культуры. Справедливости ради следует отметить остроумную критику данной концепции К. Леви-Стросом⁴. В настоящее же время перед дисциплиной, посвященной изучению предметной среды, стоит задача объяснения современного многообразия форм предметного мира. Ж. Бодрийяр во введении к книге «Система вещей»⁵ убедительно доказал, что подобную задачу в рамках эволюционистской модели решить невозможно, подтверждая тем самым мнение К. Леви-Строса.

Таким образом, в философской теории культуры второй половины XX в. можно выделить ряд авторов, работы которых посвящены проблемам, связанным с закономерностями формирования предметной среды, к числу которых, кроме упомянутых выше, следует отнести также Р. Барта и М. Фуко.

В современной науке о культуре не была создана не только общая теория формирования предметной среды, но также концепция, описывающая статус и роль вещей в культуре. В поисках таковой необходимо выйти за рамки классической позитивистской «потребностной» модели, основное направление критики которой было задано Ж. Бодрийяром в работе «Критика политической экономии знака»⁶.

Ж. Бодрийяр и Р. Барт в рамках лингво-семиотической модели культуры предлагали рассматривать предметный мир как коммуни-

³ Коськов М. А. Предметный мир культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

⁴ Леви-Строс К. Раса и история // Леви-Строс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. С. 323–356.

⁵ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.

⁶ Бодрийяр Ж. Идеологический генезис потребностей // Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион–Русская книга, 2003. С. 52–83.

кативную систему, своего рода язык, что приводит к принципиальной несовместимости подобной модели с историко-эволюционистским подходом⁷. Анализ культуры как пространства символического обмена, что позволяет Ж. Бодрийяру, отталкиваясь от анализа феноменов производства и обмена в примитивных сообществах, прийти к описанию закономерностей развития материального мира новоевропейского, индустриального и постиндустриального сообществ (посредством анализа структур симулякров различных порядков)⁸.

При переходе к рассмотрению закономерностей формирования предметной среды в условиях индустриального и постиндустриального обществ, необходимо привлекать материал, полученный в социально-антропологических и культуральных исследованиях. Представители данной научной традиции в своих исследованиях стремились показать взаимодействие элементов предметной среды с социальными структурами и социокультурными практиками. «Слабым звеном» социально-антропологических и культуральных исследований является недостаточная проработанность их теоретических оснований. На восполнение этого недостатка и направлен один из разделов дисциплины «Материальная культура». Предлагаемая в курсе теоретическая модель изучения форм предметного мира, основанная на лингво-семиотическом культурфилософском инструментарии, оказывается в равной степени пригодной для объяснения как общих закономерностей их развития, так и для объяснения маргинальных, малозначимых ее феноменов, как это было проделано, например, в статье М. Фуко «Око власти»⁹. Однако рассматриваемые в данной дисциплине модели, естественно, не сводятся лишь к вариациям структурализма. Так, в частности, иная интерпретация предметной

⁷ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000; Барт Р. К психосоциологии современного питания // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 366–377.

⁸ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть.

⁹ Фуко М. Око власти // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1. М.: Праксис, 2002. С. 220–248.

среды предлагается в ходе анализа исследования И. Утехина, посвященного быту коммунальных сообществ¹⁰.

Вопрос о необходимости поиска новых методов изучения материальной культуры может быть поставлен и в контексте изучения параллельных, немагистральных форм развития материального мира. Еще К. Леви-Строс в статье «Раса и история»¹¹ поставил вопрос о необходимости интерпретации археологических находок, не вписывающихся в эволюционную картину развития материального мира. Обращение к подобной проблематике производится и в рассматриваемой нами дисциплине на примере анализа феномена стихийного дизайна¹², т. е. практики самостоятельного изготовления жизненно необходимых артефактов («вынужденных вещей») в условиях постиндустриального общества, препятствующих появлению подобных практик. Указанный феномен, являющийся маргинальным казусом технологического регресса, объясняется именно в рамках структурно-семиотической модели и служит примером, демонстрирующим ее действенность.

Содержание дисциплины «Материальная культура» предусматривает создание концептуальной основы для изучения ряда других дисциплин, предусмотренных учебными планами образовательных программ по направлению «Культурология», прежде всего таких, как «Семиотика» и «Культура повседневности». Применение лингво-семиотической модели предметной среды демонстрирует технику приложения одной из семиотических концепций к анализу социокультурных феноменов, а предметная среда является одной из возможных форм репрезентации культурного пространства, в котором реализуются практики повседневной жизни.

¹⁰ Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.

¹¹ Леви-Строс К. Раса и история. С. 323–356.

¹² Смирнов А. В. Стихийный дизайн: попытка научного осмысления // Эстетика архитектуры и дизайна. Материалы всероссийской научно-практической конференции (4–6 октября 2010 г.). Сб. статей. М.: Архитектура-С, 2010. С. 151–155.

Примененный при разработке дисциплины «Материальная культура» методический подход позволяет перейти от описания «предметно-вещевого континуума», то есть бесконечного разнообразия элементов предметного мира, к рассмотрению лингво-семиотической модели предметной среды, дающей возможность описания статуса вещей в культуре, а также анализа практик их создания, циркуляции и использования в структурах производства и потребления.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНФОРМАТИКИ И ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ БАКАЛАВРАМ ФИЛОСОФСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Д. Е. Прокудин

Введение. История преподавания информатики и информационных технологий в отечественном высшем образовании насчитывает почти три десятилетия. И до сих пор актуальными остаются как парадигмальные, так и методические аспекты преподавания их как общей дисциплины. Как основные причины, влияющие на актуальность указанной проблематики, можно выделить следующие:

- перманентное реформирование системы отечественного образования, влекущее за собой постоянную смену образовательных стандартов;
- поверхностное отношение к информатике и информационно-коммуникационным технологиям для непрофильных (особенно для гуманитарных) специальностей: с одной стороны — как к предмету необязательному в профессиональной подготовке, с другой — как к предмету, который изучается в школе и зачастую вузовский курс информатики обобщает и повторяет уже известные положения, а его основной задачей является выравнивание знаний выпускников разных общеобразовательных учебных заведений среднего звена и разных годов выпуска. При этом хотелось бы отметить, что такое отношение наблюдается как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей профильных предметов и дисциплин;

- несоблюдение одного из важнейших дидактических принципов — принципа непрерывности, что заключается в оторванности вузовских программ преподавания информатики и информационно-коммуникационных технологий от школьного курса информатики;
- в процессе подготовки программ учебных курсов по информатике и информационно-коммуникационным технологиям и их дальнейшем преподавании в основном задействованы преподаватели соответствующих кафедр. Зачастую они не знают специфику профильной подготовки студентов и разрабатывают содержание дисциплин без учёта профессиональной направленности;
- в последнее время при переходе к многоуровневым учебным планам, основанным на компетентностном подходе, сокращаются часы, отводимые на информатику и информационно-коммуникационные технологии для непрофильных (в том числе для гуманитарных) специальностей. Поэтому и к преподаванию этой дисциплины зачастую наблюдается формальное отношение;
- отсутствие у студентов непрофильных специальностей должной мотивации к изучению информатики и ИКТ — отношение к ним, с одной стороны, как к обязательному «довеску», а с другой — эти курсы и предметы воспринимаются как нечто уже известное как из школьного курса информатики, так и исходя из тотального проникновения самих информационно-коммуникационных технологий во все пространства существования человека (современные молодые люди, представители так называемого «поколения Y», в повседневной жизни уже не могут обходиться без различных гаджетов, они погружены в социальные сети и виртуальные игровые миры. А сами технологии воспринимаются ими в контексте быта, досуга и развлечений).

Эти и многие другие причины отмечаются многими современными авторами¹, о них говорят и дискутируют на научных форумах

¹ См.: Баренбойм Д. М. Мотивация в преподавании ИТ на гуманитарных факультетах // Преподавание информационных технологий в России. Вторая открытая Всероссийская конференция. Москва, 12.05.2004–14.05.2004. — URL: <http://it-education.ru/2004/reports/barenboim.htm> (дата обращения: 10.04.

(например, на ежегодной Всероссийской конференции «Преподавание информационных технологий в Российской Федерации», <http://ит-образование.рф>). Однако предложения по совершенствованию методики преподавания информатики и информационных технологий для непрофильных специальностей не носят комплексный характер, при их формировании не используется системный подход. Особенно это касается гуманитарных специальностей. В предлагаемой статье на основе системного подхода предлагается модель методической системы обучения информатике и информационным технологиям бакалавров гуманитарных специальностей, которая реализуется в Санкт-Петербургском государственном университете при подготовке будущих философов, культурологов, религиоведов, музеологов и конфликтологов.

Методическая модель преподавания информатики и информационных технологий. Как показывает практика, выпускники школ, которые поступают на философские специальности, ориентирова-

2014); *Беляев В. В.* Подготовка бакалавров экономического направления в области информационных технологий // X Всероссийская конференция «Преподавание информационных технологий в Российской Федерации». Саратов, 15.05.2011–17.05.2011. — URL: <http://it-education.ru/2011/section/84/3980/index.html> (дата обращения: 07.04.2014); *Лысенкова С. Н.* Особенности преподавания информационных технологий в экономике для бакалавров // XI Всероссийская конференция «Преподавание информационных технологий в Российской Федерации». Воронеж, 15.05.2013–17.05.2013. — URL: <http://2013.ит-образование.рф/section/112/9246/> (дата обращения: 07.04.2014); *Некрасова И. И.* Моделирование процесса формирования и развития исследовательских умений у студентов в процессе обучения информатике // XI Всероссийская конференция «Преподавание информационных технологий в Российской Федерации». Воронеж, 15.05.2013–17.05.2013. — URL: <http://2013.ит-образование.рф/section/112/9082/> (дата обращения: 07.04.2014); *Штыга П. С.* Проблемы преподавания компьютерных дисциплин в системе гуманитарного образования // Информационные технологии и средства обучения. 2011. Т. 23. № 3. — URL: <http://journal.iitta.gov.ua/index.php/itlt/article/view/498/418> (дата обращения: 03.04.2014).

ны на высокий уровень знаний по предметам гуманитарного цикла. На основе входного контроля выясняется, что в лучшем случае у них сформированы навыки обработки текстовой информации, создания мультимедийных презентаций, веб-сёрфинга и коммуникации посредством электронной почты, системы Skype и социальных сетей. К тому же большинство этих навыков сформированы не в системе образования, а в повседневной жизни, в досуговой деятельности. Отсюда и крайне низкая мотивация к изучению информатики и информационных технологий как общего предмета. При разработке учебных планов бакалавриата часы, отводимые на изучение этого предмета, сократились вдвое, т.е. курс рассчитан на один семестр. Уже на первом курсе бакалавры философских специальностей сталкиваются с необходимостью подготовки и защиты курсовой работы, т. е. они активно начинают включаться в научную деятельность, которая для них является преимущественно учебно-научной (с акцентов на слово «учебная»). Исходя из профессиональной направленности учебного процесса можно выделить следующие совокупные цели обучения информационно-коммуникационным технологиям, входящим в общекультурный блок дисциплин:

- формирование информационной культуры человека как основного адаптационного механизма его вхождения в пространство культуры развивающегося информационного общества;
- формирование у бакалавров философских специальностей практических умений использования информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе, в дальнейшей научно-исследовательской деятельности с целью повышения их эффективности.

При этом первая цель является в полном смысле общекультурной и её достижение обусловлено целенаправленным процессом формирования готовности к применению информационно-коммуникационных технологий в своей жизнедеятельности². Вторая цель

² Проблемы формирования информационной культуры в рамках общего курса по информационно-коммуникационным технологиям рассмотрены

направлена на формирование информационной культуры как профессиональной компоненты будущих бакалавров, которая качественно выражается в формировании определённого уровня готовности к использованию информационно-коммуникационных технологий в научной деятельности. Её формирование в рамках курса возможно за счёт решения следующих задач:

- овладеть знаниями основ применения информационно-коммуникационных технологий в своей дальнейшей профессиональной деятельности (прежде всего научной);
- дать основы информационно-библиографического поиска;
- сформировать основы использования средств информационно-коммуникационных технологий для научной коммуникации;
- активизировать будущих специалистов в решении задач информатизации своей предметной области.

Необходимо отметить, что специфика профессиональной подготовки предполагает использование в данном курсе информационно-коммуникационных технологий как в качестве средства обучения, так и в качестве объекта изучения. В связи с этим практические умения использования ИКТ должны формироваться в процессе выполнения комплекса конкретных практических и самостоятельных заданий. При разработке практической части курса были учтены межпредметные связи информационно-коммуникационных технологий и предметной специализации бакалавров, что стало возможным за счёт взаимодействия с преподавателями предметов профессиональной направленности.

А для реализации дидактического принципа связи теории с практикой содержание предлагаемых для выполнения заданий определялось тематикой выполняемых бакалаврами курсовых работ. Такой подход кроме формирования информационной культуры как про-

нами ранее (Прокудин Д. Е. Компетентный подход в формировании информационной культуры // Интернет и современное общество: Сборник научных статей. Материалы XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». Санкт-Петербург, 12–14 октября 2011 г. СПб., 2011. С. 270–273.

фессиональной компоненты нацелен на активизацию познавательной деятельности бакалавров по предметам своей специализации, а также несёт в себе достаточно весомую профориентационную функцию: обучающиеся получают комплексное представление о научной деятельности, её структуре; о роли и месте в этой структуре конкретных информационно-коммуникационных технологий. Выполняя практические задания, тем самым они осознанно применяют эти технологии в своей учебно-научной деятельности. Практика показала, что возрастает доля самостоятельной осознанной работы надписанием курсовой, интенсифицируется учебный процесс за счёт того, что результаты практической деятельности по предмету информационно-коммуникационных технологий не только оцениваются в рамках этого предмета, но и используются как при написании курсовой работы, так и в изучении других дисциплин.

Междисциплинарность и профессиональная направленность учебного курса закреплена также и на уровне компетентностно ориентированного учебного плана, в котором перечислены следующие компетенции, в формировании которых этот курс участвует совместно с другими дисциплинами:

- владеет культурой мышления, способен к восприятию, обобщению, анализу информации, к постановке цели и выбору путей ее достижения, способен анализировать философские, мировоззренческие, социально и лично значимые проблемы;
- владеет основами методологии научного исследования, готов применять полученные знания и навыки для решения практических задач в процессе обучения и в профессиональной и социальной деятельности;
- способен применять основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки и представления информации для решения профессиональных и социально значимых задач, в т. ч. с использованием современных информационных технологий и средств коммуникаций;
- готов применять методы поиска, анализа научной информации, владеет навыками ее изложения, реферирования и аннотирования;

- способен использовать основные технологии формирования научно-философского мировоззрения и применять их при решении значимых социально-культурных и политических проблем;
- способен применять теоретические знания к практическим навыкам работы в коллективе, обладает способностью к гибкой адаптации к различным ситуациям, к проявлению творческого подхода, инициативы и настойчивости в принятии решений, а также в достижении целей своей профессиональной деятельности в целом.

Содержание курса «Информатика в гуманитарных науках». В соответствии с поставленными целями, задачами и компетенциями, направленными на формирование конкретных знаний, умений и навыков, был произведён отбор содержания курса, который получил название «Информатика в гуманитарных науках». За основу были взяты читавшиеся ранее общие и элективные учебные курсы «Элементы информационных технологий в образовании и науке»³, «Основы информационного и библиографического поиска»⁴ и другие методические разработки⁵. Эти материалы были переработаны и дополнены с учётом последних тенденций применения информационно-коммуникационных технологий в научно-исследовательской деятельности. Ниже рассмотрим структуру курса, соответствующую этому содержанию.

Тема 1. *Общие методы использования ИТ в научных исследованиях.* Первая тема посвящена общим вопросам применения инфор-

³ Прокудин Д. Е. Элементы новых информационных технологий в образовании и науке. Серия «Образование в гражданском обществе (научно-методическое обеспечение)». Вып. 4. / Под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2003.

⁴ Прокудин Д. Е. Основы информационного и библиографического поиска (для студентов гуманитарных специальностей): учебно-методическое пособие. СПб., 2006.

⁵ Прокудин Д. Е. Как осуществлять информационно-библиографический поиск? // Образование и управление: Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин. СПб., 2007. (Методические записки. Вып. 3). С. 165–177; Прокудин Д. Е., Сморгунов Л. В. Компьютерные технологии в политической науке и образовании (учебно-методическое пособие). СПб., 2008.

мационно-коммуникационных технологий в научной деятельности. В ней рассмотрена обобщённая структура научной деятельности и этой структуре поставлены в соответствие конкретные виды технологий, базовым элементом которых является персональный компьютер (в том числе ноутбук, нетбук, планшетный компьютер). В качестве повторения и обобщения рассматриваются общие методы обработки различных видов информации в преломлении к применению в научной деятельности, например, обработка текстовой информации (тестовые редакторы, системы оптического распознавания текстовой информации, системы компьютерного перевода и электронные словари); обработка мультимедийной информации на примере создания мультимедийных интерактивных презентаций научных докладов и выступлений. В обзорном порядке рассматриваются сетевые технологии, используемые в научной коммуникации и коллективной научно-исследовательской деятельности.

Тема 2. *Сетевые ИТ в научных исследованиях.* Эта тема посвящена основам поиска научной информации в поисковых системах общего назначения сети Интернет. На основе анализа работы информационно-поисковых систем показывается их ограниченность для научного поиска. Вводится понятие пространства Deep Web и приводятся примеры ресурсов из этого пространства. Особое внимание уделяется вопросам качества информации в сети Интернет, определению её релевантности, а также проблеме заимствования, что нацелено на формирование высокой информационной культуры и научно-исследовательской этики. Также рассматриваются специализированные сетевые ресурсы научных исследований и даётся их классификация.

Тема 3. *Основы информационной безопасности.* Исходя из важности и актуальности этой проблематики без рассмотрения вопросов информационной безопасности в настоящее время не обходится ни один общий курс по информационным технологиям. В этой теме рассматриваются факторы, влияющие на безопасность информации, и даются методы и средства обеспечения безопасности информации: защита данных на носителях информации, защита данных при передаче по компьютерным сетям, защита каналов связи и сетевых соеди-

нений. Особое место отводится изучению современных облачных технологий хранения и защиты информации как наиболее доступных.

Тема 4. *Научные электронные сетевые ресурсы*. Данная тема призвана дать практический инструмент работы со справочно-ссылочным и научно-справочным аппаратами научных изданий, которые представлены как в классических библиотеках, так и в современных массивах научной информации, доступных в электронной форме: электронные картотеки библиотек; полнотекстовые электронные библиотеки и реферативные базы в сети Интернет; электронные базы научных данных, базы знаний в глобальных сетях. Отдельно рассматриваются периодические электронные рецензируемые научные издания, которые представляют собой один из основных инструментов оперативной актуализации результатов научных исследований. На протяжении изучения этой темы формируются основы цитирования сетевых ресурсов.

В соответствии с рассматриваемым содержанием учебной дисциплины в рамках каждой темы обучающиеся выполняют ряд практических заданий, результаты которых содержательно соответствуют темам выбранных курсовых работ.

Эти задания нацелены на:

- поиск источников по своей тематике средствами информационно-поисковых систем как средствами базового поиска, так и с использованием расширенного поиска и языка поисковых запросов. При этом обязательно должна быть дана качественная оценка полученной информации и определена степень её релевантности;
- поиск источников в электронных каталогах научных библиотек;
- поиск публикаций в полнотекстовых базах научных данных и научных электронных библиотеках;
- поиск статей в электронных научных рецензируемых изданиях;
- поиск различных интернет-ресурсов по своей тематике, таких, как сайты учебных, научных и иных организаций; сайты научных конференций; личные страницы ученых; сайты издательств и т. д. В зависимости от специализации бакалавров типы ресурсов могут варьироваться. Так, например, музеологи могут представить как

результаты поиска сайты музеев, виртуальные музеи и выставки, а культурологи — электронные сетевые энциклопедии и т. п.

Последним заданием является создание презентации к своей курсовой работе, в которой необходимо отразить структуру работы; представить списки основной и дополнительной литературы (включая электронные ресурсы), сетевые интернет-ресурсы по тематике исследования, т. е. в обобщённом виде оформить в этой презентации результаты выполнения всех заданий.

Для всех поисковых заданий результаты их выполнения представляются в виде библиографических списков, оформление которых рассматривается на протяжении всего курса и должно соответствовать действующим ГОСТам⁶. Для всех представляемых ресурсов в обязательном порядке указываются названия, полные интернет-ссылки и даются краткие аннотации.

Заключение. При разработке подобных курсов необходимо учитывать особенности конкретного вуза, так как большинство специализированных научных ресурсов являются подписными и во всех вузах созданы равные условия по доступу к ним. К таким ресурсам относятся, например, некоторые полнотекстовые, реферативные базы научной информации и другие научные ресурсы (электронные ресурсы EBSCO Publishing Co., Springer, Thomson Reuters, Elsevier B.V.

⁶ ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание: Межгос. стандарт. — Введ. 01.07.2004 г. // Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу / Разработчики Б. В. Ленский, А. А. Джиго и др. М.: ИПК Издательство стандартов, 2004. С. 59; ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления: Нац. стандарт Российской Федерации. — Введ. 01.01.2009 г. // Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу / Разработан ФГУ «Российская книжная палата». М.: «Стандартинформ», 2008. С. 23; ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения: Межгос. стандарт. — Введ. 01.07.2002 г. // Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу / Разработан НТЦ «Информрегистр» и МТК «Научно-техническая информация, библиотечное и издательское дело». М.: «Стандартинформ», 2005. С. 16.

и т. д.). Также необходимо учитывать и специфику профессиональной подготовки, что должно находить отражение в содержании практической части курса.

Многолетний опыт преподавания курса «Информатика в гуманитарных науках» для бакалавров философских специальностей в Санкт-Петербургском государственном университете показывает, что его содержание должно непрерывно совершенствоваться с тем, чтобы соответствовать темпам и уровню развития современных информационно-коммуникационных технологий, их востребованности в научно-исследовательской деятельности. Это выражается в том, что каждый год к началу первого семестра учебный курс проходит модернизацию, основанную на включение в содержание последних технологических достижений. Актуализация содержания предмета позволяет формировать у бакалавров достаточно высокий уровень информационной культуры, который является отправной точкой в самом начале их научной деятельности.

О ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКЕ

ПРОЕКТ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ Х. ПЕТЦОЛЬДА: ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И ЭСТЕТИКА

Л. А. Орнатская

Судьба философского образования, его отдельных дисциплинарных областей в значительной степени определяется перспективами самой философии, её способностью адекватно откликнуться на вызовы времени, быть функционально необходимой в современном, быстро меняющемся мире. По вопросу будущего философии, что хорошо известно, существует множество точек зрения, в том числе крайне радикальных. Мода на философский радикализм, объявивший конец философии, захлестнувшая нашу «университетскую» философию, к сожалению, крайне ограничила представление о тех поисках, которые ведутся в западной мысли в русле определения её новых задач и перспектив. В отечественной литературе многие идеи подобного плана представлены фрагментарно, а некоторые вообще остаются неизвестными, что искажает общее видение проблемы и затрудняет возможность оценить ситуацию во всей её полноте. В данной статье ставится задача, как «ознакомительная», так и исследовательская, представить проект «критической философии культуры», разрабатываемый Хайнцем Петцольдом в его работе «Эстетика и/или философия культуры»¹.

¹ Aesthetics And/As Philosophy of Culture // Paetzold H. Symbol, Culture, City. Five exercises in Critical Philosophy of Culture. Maastricht, 2000. Перевод на польский: Estetica i/jako filozofia culture. Zblizenia. Polska-niemcy. Annaeherungen. Polen-Deutschland. Wroclaw, 2005. № 2 (41). S. 172–181.

Заметим, что это не случайное сочинение. Автор, профессор многих европейских университетов, известен как серьёзный исследователь немецкой философии культуры и эстетики — творчества А. Г. Баумгартена, немецкого классического идеализма, философии символических форм Э. Кассирера. Статья — плод серьёзной исследовательской работы, автор отлично владеет ситуацией, сложившейся в современной мысли, и его размышления о путях трансформации философии представляют большой интерес. Знакомство с предложенной им программой даёт возможность ещё раз охватить основные диспозиции, существующие в оценках современной культуры и определении наиболее адекватных способов её «измерения».

Предлагаемая Петцольдом идея критической философии культуры предполагает, по его мнению, новое понимание эстетики, которая должна быть переосмыслена так, чтобы её можно было поместить в контекст философии культуры. Постсовременность, констатирует он, привела не только к возникновению в гуманитарных науках особой области — исследований культуры (Cultural Studies), но и одновременно ввела в порядок дня современной мысли «исследования философии культуры». Как можно согласовать эти два направления? Петцольд предлагает опереться на две составляющие: на достижения немецкой критической философии Франкфуртской школы и философию символических форм Кассирера. Эти два «мотива», говорит он, разошлись, но их можно переосмыслить и включить в один контекст. Франкфуртская критическая философия принимается им, однако, не полностью, а только в «дохабермасовской» форме, когда она была близка эстетике, сосредоточив внимание на исследовании её различных функций в культурной и общественной жизни. Здесь он выделяет две темы: тему массовой культуры, поднятую В. Беньямином и развитую в «Диалектике просвещения» М. Хоркхаймером и Т. Адорно — как культурный заказ, замысел, предприятие, и тему, разработавшуюся Г. Маркузе. Эти два многообещающие проекта не были реализованы. Конец им, с точки зрения Петцольда, положила теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Хабермас, примкнувший к «лингвистическому повороту», обеспечил критической

теории солидную нормативную базу, однако, опираясь на М. Вебера и Т. Парсонса, он тем самым «безоглядно» подписался под ортодоксальным кантовским делением культуры на технические науки, мораль и эстетику, вследствие чего его концепция не смогла адекватно ответить на вызовы постмодернистской мысли. Благодаря Хабермасу, критическая теория, утверждает Петцольд, вообще утратила контакт с исследованием культуры. Вывод, конечно, спорный, если учесть то место, которое занимает концепция Хабермаса среди современных коммуникативных стратегий, но в нём есть большая доля истины, если признать, что создание условий для «подлинной коммуникации» Хабермас связывает с нейтрализацией, минимизацией культурных различий.

Чтобы преодолеть кантовско-веберовское ограничение, необходимо, считает Петцольд, идти другим путём — такой путь открывает развитая Кассирером философия символических форм. Кассирера, отметим, он принимает также не полностью, ориентируясь лишь исключительно на его поздние работы и предпочитая их новые интерпретации. Ключевой момент здесь он видит в разрушении кантовского разделения и концентрации на различного рода символических формах, таких, как миф, религия, мораль, искусство, язык, наука, технология, политика, история, экономика, которые совместно творят культуру. Начатый М. Хайдеггером и Л. Витгенштейном «лингвистический поворот» необходим, но должен быть дополнен «этнологическим» и «антропологическим» поворотами, чтобы можно было охватить культуру в её многосторонних аспектах и проявлениях. Если отойти от традиционной интерпретации Кассирера и дополнить его идеями С. К. Лангер, Н. Гудмена (Goodman), К. Элгин, Ч. Тейлора, Х. Блюменберга и П. Бурдьё, можно будет утверждать, что философия культуры даёт нам возможность понять культуру как множество (plurality) общественных сфер, обладающих разнообразными видами и способами символизма. Поздние работы Кассирера позволяют выявить два облика культуры. С одной стороны, культура — процесс поступательного самоосвобождения человека. С другой стороны, благодаря собственной динамике, культура несёт для него определённые

угрозы. Критическая философия культуры должна анализировать оба аспекта культуры: как её взлёты, так и её падения. Таким образом, замечает автор, мы избежим непоследовательности неопрагматизма Р. Рорти и Р. Шустермана. Здесь критическая философия может открыть себя и для постструктуралистских влияний: М. Фуко, Ю. Кристевой, Дж. Батлер, Л. Иригараи. Более того, по мнению Петцольда, такой подход лучше всего увязывается с основными идеями наиболее видных постмодернистов — Ж.-Ф. Лиотара, З. Баумана, Г. Ваттимо, подчёркивающих различие между постмодернизмом творческим и постмодернизмом «исчерпания». Это лиотаровское разграничение принимает и автор «критической философии культуры».

Как Петцольд определяет тематику критической философии культуры? Она складывается, по его мнению, из трёх различных, но взаимосвязанных проблем. Во-первых, она должна найти ответы на вопросы, касающиеся переворотов в истории культурной жизни человека. Здесь возможно выделение отдельных групп подвопросов. И прежде всего это вопросы, касающиеся современности (modernity). Когда она началась? Вместе с Ренессансом, как считали Э. Кассирер, Х. Блюменберг, А. Геллер, Е. Кресси и С. Тулмин? Или вместе с картезианским рационализмом, как полагает большинство исследователей? Этот взгляд, в частности, представляет известный японский философ Т. Вацудзи. Если придерживаться первой точки зрения, то разрыв между современностью и постсовременностью утрачивает свою остроту: постсовременность может рассматриваться как оживление, динамизация современности, не выходящая в принципе за её границы. Сам Петцольд на стороне этой точки зрения как более последовательной и продуктивной.

Во-вторых, критическая философия культуры должна заниматься исследованием многообразия символических форм культуры в их неиерархичности и плюралистичности. То есть, она должна уничтожить привилегии эпистемологической парадигмы, которая (Петцольд при этом ссылается на работу Рорти «Философия в зеркале культуры», 1979) была характерна для светил философии Нового времени: Декарта, Локка и Канта. Идя новым путём, мы уже не сможем, говорит Пет-

цольд, свести религию к мифам, как это делали Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас и к чему склоняется сам Рорти. Точка зрения критической философии культуры предполагает, что многообразие форм культурной жизни, её богатство и полнота не могут быть реализованы какой-то одной из символических форм или их ограниченным набором. Вместе с тем автор против подмены философии культуры эстетикой: отход от парадигмы научной рациональности не означает интронизацию на её место искусства или поэзии, как того хотел романтизм.

В-третьих, философия культуры, проектируемая Петцольдом, так или иначе включает ответ на вопрос: что создаёт культурную субъективность? (What makes a cultural subjectivity?) Это вопрос об антропологических условиях, необходимых для полноценного участия человеческого индивида в культурной жизни. Автор считает, что удержать при этом идею трансцендентальной и трансгисторической субъективности вряд ли возможно, ибо это привело бы к редукции человеческой жизни, к чистому мышлению, что было характерно для Декарта. Даже гуссерлевская реинтерпретация Декарта, однако, не пошла так далеко. Философская антропология: М. Шелер, А. Гелен, Н. Плеснер, а также Ч. Тейлор, как и феноменология Мерло-Понти достаточно убедительно показали, что понятие субъективности должно включать и физические, и телесные компоненты. По мнению Петцольда, этот аргумент вполне согласуется с мыслью Кассирера, употреблявшего термин «*genium arboris*». Уже определяя человека в качестве символического животного, Кассирер открыл дорогу философии культуры, не связанной с предварительным допущением трансцендентального эго. В отличие от аристотелевского определения человека как разумного животного, которое является субстанциональным, Кассирер предложил функциональное определение, которое даст возможность ввести в философию культуры идею расколотой, расщеплённой в своей основе субъективности, что на постфрейдовском фундаменте сделала Ю. Кристева, сформулировавшая тезис о том, что борьба между тем, что технически определяют термины «символический» и «семантический» отвечает за смену и динамику символического порядка. По мнению Петцольда, критическая философия культуры должна принять

идею культурной субъективности как субъективности расщеплённой, расколотой. Это не какая-то тайная формула, а дефиниция, необходимая для описания условий жизни современного человека в терминах случайности (*contingency*), фрагментарности и непрозрачности (*non-transparency*). Это описание вполне справедливо, ибо невозможно телесное перевести в логическое.

Очертив таким образом рамки философии культуры, Петцольд приступает к главному вопросу — вопросу о соотношении эстетики и философии культуры. Эти две выделившиеся в новое время области философского знания развивались, говорит он, очень сложно. Иногда параллельно друг другу, иногда взаимно проникая друг в друга. Но в целом новоевропейскую эстетику нельзя отделить от взглядов на культуру. Философия культуры не может существовать без эстетики. В связи с этим Петцольд предпринимает достаточно основательный исторический экскурс, чтобы подтвердить продекларированную идею. Мысль эта для отечественного читателя, включённого в классическую традицию, не нова. Исследование эстетических проблем в отечественной литературе всегда было связано с вовлечением их в широкий мировоззренческий и культурный контекст. И поиски точек соприкосновения эстетики и философии культуры могут показаться неактуальными. Но Петцольд имеет в виду не философию культуры в классическом представлении, а сконструированную им новую область знания, где классический опыт в его ведущей тенденции ставится под вопрос. Это предопределяет и отбор «исторических прецедентов» — набор имен, на примере которых автор подтверждает связь эстетических и культурфилософских исследований. Прежде всего он называет Д. Вико, А. Г. Баумгартена, и И. Гердера. Это предтечи современной философии культуры. Заслуга Вико в том, что он, будучи противником Декарта, реабилитировал те науки, без которых исследование культуры было бы невозможно: филологию, поэзию, мифологию и право, задвигавшиеся рациональным дискурсом на обочину знания. А также в том, что рассматривал фантазию и воображение как условие познания культуры. Вико утверждал, что мы в состоянии понять культуру, потому что она дело рук человека, в то время как

природа доступна нам лишь частично, потому что истина и то, что создано человеком — это одно и то же. Мы имеем доступ даже к тем культурам, которые далеко отстоят от нас — именно потому, что они созданы людьми. Только когда мы хотим познать культуру далёкого прошлого, требуется усилие, использование возможностей фантазии и воображения, которыми озаряет нас поэзия. Таким образом, он даёт понять, что влечение к эстетике — условие познания культуры как продукта человеческой деятельности.

Особая роль Баумгартена усматривается Петцольдом в том, что он дал философское объяснение поэзии, абстрагируя её сущность из природного человеческого разума, и заменил введённый Аристотелем принцип подражания принципом экспрессии. Что касается Гердера, предшественника философии культуры «в узком смысле слова», то он, до В. Гумбольдта и М. Хайдеггера развил то, говорит Петцольд, что Ч. Тейлор назвал «экспрессионистично-конститутивной» языковой парадигмой. Он указал на язык как средство открытия мира, и эта «открывающая» функция языка касается не только внешнего, но и внутреннего мира: мира человеческих чувств, стремлений и ожиданий. Гердера интересовало исследование языка как важнейшего элемента культуры. Философом культуры делает его и то значение, которое он придавал мифу. При этом Гердер обращался к новому определению мифа; миф — это не частица умершего прошлого, которую могут использовать в своём творчестве поэты, это результат поэтического вдохновения. С этой точки зрения, Гердер, признавая значение греческой мифологии, потребовал соответствующей, равнозначной оценки северной мифологии, инициировав романтическую программу «Новой мифологии».

Нетрудно заметить, что оценка предшественников и основателей философии культуры ведётся по определённому критерию — Петцольд фиксирует прежде всего отступление от рационалистического дискурса при определении эстетического. Но это не чистый иррационализм. И лежащая, казалось бы, на поверхности идея понимания значима, но не сама по себе: автору *очень важна* антропологическая составляющая его философии культуры. Однако характерно, что об-

ращаясь к традиции, Петцольд зачастую «выпрямляет» взгляды рассматриваемых авторов, лишает их собственных смыслов. В случае с Баумгартеном он вынужден был констатировать, что сам Баумгартен видел в эстетике скорее дополнение научной рациональности, чем её замену. Что было характерно, на наш взгляд, для большинства «эстетиков» нового времени. Тем не менее погружение в традицию — одна из самых привлекательных черт размышлений Петцольда об эстетике и критической философии культуры: мы видим здесь попытку поновому скрепить распавшуюся было цепь времен.

Возникновение философии культуры и эстетики не было, по мнению Петцольда, делом исключительно итальянских и немецких философов. Это было общеевропейское предприятие. Здесь он обращает внимание на ту роль, которую сыграл комментарий Н. Буало к трактату Лонгина о возвышенном, теорию возвышенного Э. Берка, которую через посредство М. Мендельсона использовал Кант, многочисленные рассуждения Д. Дидро, Г. Э. Лессинга, Ж.-Ж. Руссо и Ф. Шиллера о театре. Ключевой фигурой для философии культуры стал Руссо — благодаря своей радикальной критике культуры и жажде культурной и этической аутентичности (что было и для Гердера высокой ценностью), которую он перенёс на область политики, полагая, что утраченную аутентичность можно восстановить через театр (наиболее политическую форму из всех искусств, по мнению Х. Арндт). Письмо Руссо к Ж. М. Д'Аламберу с критикой его замысла театра в Женеве стало общеевропейским событием.

Что касается послекантовской философии, то она, в лице как Шеллинга, так и Гегеля, может быть, считает Петцольд, понята как обсуждение двух ветвей философии: философии культуры и эстетики. Оба они утверждают в конечном счете, что понимание философии требует поиска метафизических фундаментов и источников культуры. У Шеллинга поэтичность могла быть подлинным началом и основным источником культурной жизни. У Гегеля культура превращается в чистую духовность. Заканчивается обзор философии культуры и эстетики Нового времени построением Ф. Ницше, который осуществил принципиальный поворот в понимании как той,

так и другой, требуя их переформулирования. Для Ницше, полагает Петцольд, характерно было стремление вписать их в постметафизическую философию. Согласно Ницше, метафизические усилия Гегеля и Шеллинга были равнозначны провозглашению презрения к телу — что по существу означало бегство от человеческой конечности.

Переходя к постметафизической истории интеллектуальной мысли, т. е. к XX в., Петцольд выделяет следующие имена: Г. Зиммель, Б. Кроче, Р. Г. Коллингвуд и М. Хайдеггер. Зиммель представляет для него особый интерес. Прежде всего родом своих занятий: его интересовала рама картины, эстетика питания, ландшафта, моста, дороги, леса, орнамента, жизни в метрополии и моды. И, во-вторых, оценками современной культуры. Зиммель был глубоко убежден в том, что современная культура несёт в себе глубокие противоречия. О ней он высказывался в терминах «трагедии», имея в виду невозможность разрешения конфликта между прогрессом в сфере техники, с одной стороны, и исчезающей непосредственностью индивидуальной культуры, субъективной жизни человека, с другой. Петцольд напоминает, что Зиммель оказал влияние не только на первое поколение представителей критической теории, таких, как В. Беньямин и Т. Адорно, Э. Блох и З. Кракауэр, но также на Г. Лукача, как и на Э. Кассирера.

Кроче и Коллингвуд отмечены Петцольдом как авторы, которые, руководствуясь разными мотивами, подчёркивали экспрессивность как сущность искусства. Недостатком Кроче, значительно ограничившим его концепцию, Петцольд считает использование им лингвистического аппарата как модели и парадигмы экспрессивности искусства: творческая сила искусства имеет, по мнению Кроче, параллели в способности языка быть использованным в принципиально новых и непредвиденных ситуациях. Кроче, иначе говоря, недооценивает чувственную сторону искусства, абстрагируется от того факта, что художественное значение артикулируется и моделируется в соответствии со специфическими, материальными свойствами медиума искусства. И Кроче, и Коллингвуд считают, что эстетика должна быть определена через более ёмкое понятие «объективного духа» в гегелевском смысле. Такое понимание культуры, отмечает Петцольд,

принимал и Дж. Дьюи, проложивший дорогу прагматизму от первоначальной абсолютизации методологии естественных наук, что было характерно для Ч. С. Пирса, к собственно философии культуры. Дьюи адаптировал к философии культуры перспективизм У. Джемса, требуя от философии исследования особенностей каждодневного бытия вместо метафизических поисков. Эстетическое, по мнению Петцольда, является необходимым условием такой философии, поскольку она предполагает конкретность и телесную чувственность.

Для М. Хайдеггера, напротив, характерно враждебное отношение к философии культуры, что проявилось в его полемике с Э. Кассирером в Давосе. Одной из причин этого Петцольд считает недооценку им идеи интерсубъективности, заложенной в понятие культуры. При этом он отмечает, что к числу первых критиков крайне индивидуализированного экзистенциализма Хайдеггера принадлежит японский философ Вацудзи, опередивший и А. Шюца, и Э. Гуссерля, который утверждал, что позиция изолированного субъекта изначально закрывает возможность философии выйти в область исследования культуры; ссылаясь на гердеровскую идею о связи климата и культуры, он полагал, что культура в сущности определяет существование интерактивного пространства между людьми. Но если Хайдеггер, по мнению Петцольда, не может служить доказательством того, что эстетика и философия культуры развивались параллельно, то один из его учеников, Г.-Г. Гадамер, не принял от своего учителя негативизма ни по отношению к культуре Древнего Рима, ни по отношению к ренессансной идее гуманизма, ни по отношению к просветительской идее гуманности. В работе «Истина и метод» (1960) Гадамер значительно расширяет понятие эстетики, отождествляя эстетику Канта с эпистемологией — ограниченным аспектом философии. Искусство и эстетический опыт он рассматривает в горизонте культуры, возвращая в сферу философского дискурса (вслед за Вико) все те дисциплины, которые кантовская и декартовская традиция считала для него несущественными: риторику, поэтику, филологию и историю.

Покончив с исторической ретроспективой, охватывающей более двух веков, цель которой, что совершенно очевидно, не столько

в том, чтобы прояснить некоторые идеи проекта, проиллюстрировав их опытом прошлого, сколько в том, чтобы их в нём укоренить, Петцольд обращается к современным проблемам, в обсуждении которых критическая философия культуры может сыграть ведущую роль. Но для этого, считает он, идею символической формы культуры следует переформулировать — рассмотреть её как пространство культуры. Это позволит, вместе с Бурдье, понять культуру как динамическую борьбу за общественное распознавание символических благ. Внутри той сферы, которая называется искусством, мы можем объяснить все те процессы, которые превращают материальные предметы в символически кодированные произведения культуры. Причем в соответствии с формальными предписаниями. В этом случае нас должны интересовать не только художники, но и коллекционеры, владельцы галерей, кураторы музеев, критики, академии искусств, эстетические конференции. Все они ведут спор друг с другом по вопросу о том, как сделать правомочными те или другие коды, благодаря которым произведение искусства может быть понято как символически значащая экспрессия культуры. Перспектива Бурдье, по мнению Петцольда, даёт возможность ввести в эстетический дискурс общественные и политические структуры как условие его реализации. Произведения искусства и их понимание укоренены в культурной жизни, на которую нельзя смотреть только с эпистемологической точки зрения, поскольку она создана и организована активно заинтересованными в ней людьми.

Новый подход, считает Петцольд, может быть обращён и на интер- и мультикультурные процессы, столь значимые в современной теории культуры. В частности, с помощью позднего Кассирера, можно определить не только случайные, но и принципиальные препятствия для символического обмена между культурами. Петцольд при этом ссылается на «Ориентализм» Э. В. Саида и «Открытие Африки» В. Мудимбе. Случай «Ориентализма» указывает на мифическую блокаду в символическом обмене между культурами Запада и Востока, которая возникает вследствие неподвижности интерпретационных перспектив и горизонтов — здесь блокируется эластичность интер-

претационного понимания. Петцольд выделяет два подхода к символическому обмену между культурами. «Ориентализм» говорит о его тёмной стороне, другую разновидность можно определить как «продуктивную многокультурность», когда встреча двух культур закладывает процессы культурного и политического познания (здесь он ссылается на Ч. Тейлора). Аутентичный мультикультурализм охватывает оба эти измерения. С точки зрения Петцольда, очень важно, чтобы символический обмен между культурами был взаимным. Между тем, замечает он, европейцы издавна интерпретировали Восток и его культуру с внешней стороны, с точки зрения независимого наблюдателя, совершенно не интересуясь тем, как Восток представлял себя и европейцев. И здесь, по его мнению, критической философии культуры мог бы помочь Кассирер, который высказал предположение, что отношения между различными символическими формами не руководствуются какими-либо устойчивыми правилами. Внутренний уклад определённого символического универсума культуры различается во времени и между культурами. Подобного рода рефлексии он находит и у современного философа мультикультурализма Г. Киммерле, обратившего внимание на то, что европейская культура могла бы научиться у африканцев принципиально иному пониманию связи этики и эстетики. Европейская традиция, начиная с Канта и Гегеля, их принципиально развела.

Признание ценности иных культур зависит, если следовать Ч. Тейлору и Г. Киммерле, от их герменевтического преобразования (З. Фрейд говорил о «Kulturarbeit»). Гердер, утверждавший, что каждая культура имеет ценность в самой себе, ссылался при этом на божественную доброту. В настоящее время, говорит Петцольд, теологический аргумент не работает. Здесь может сыграть огромную роль эстетика; для чего следует понимать её в более широком контексте — в контексте философии культуры, а такая философия в свою очередь обосновывает и подразумевает эстетику.

Эта констатация, однако, сама по себе не приводит к размещению эстетики в сфере культуры. Такая операция, считает Петцольд, требует переформулирования — необходимо кассиреровское пони-

мание символизма в искусстве как выражения экспрессивности соединить с идеей метафорической экземплификации Гудмена. Сложная символическая структура произведения искусства интегрирует две направленности. Метафоричность — это сдвиг в сфере самого означивания. В этом случае мы смещаем значение, принятое в данной символической системе ради иного, необычного, нового. Метафоры эффективны внутри денотирующего измерения символа, они, можно сказать, открывают новые аспекты мира, расширяя горизонты культурной жизни. Экземплификация, в оценке Гудмена, означает такой способ символической референциальности, который не следует за денотацией, но, наоборот, противоречит ей. Экземплификация основывается на таком виде отнесения, где наше внимание направлено на только что найденные данным символом свойства. Экспрессивность как центральный принцип символического построения произведения искусства включает оба способа символического отнесения. Благодаря метафорической составляющей экспрессивность искусства приобретает культурный контекст. Метафора использует уже имеющееся значение символа, одновременно выходя за его пределы и оставляя позади себя.

Критическая философия культуры предполагает более функциональное, чем субстанциональное, понимание всех символических форм, представляющих универсум данной культуры, в то время как принятый Бурдые принцип Кассирера касается главным образом только искусства. Именно поэтому, считает Петцольд, необходимо, вслед за Гудменом, традиционный философский вопрос: Что такое искусство? (What is Art?) заменить более функциональным вопросом: Когда мы имеем дело с искусством? (When is Art?). Отвечая на него, Гудмен ввел понятие эстетических симптомов. Эстетические симптомы — синтактическая и семантическая плотность (density), синтактическая охваченность, экземплификация, а также разнообразная и сложная референциальность — это указатели для доступа к конкретной символической системе, предполагаемой в произведении искусства.

Но эстетические симптомы Петцольда удовлетворяют не до конца, потому что они не позволяют отделить обычные предметы от

произведения искусства. Он склоняется к тому определению произведения искусства, которое связано с категорией художественных концепций (Kunstkonzeptionen). Методологический переход от эстетики к философии культуры позволяет объединить понятие сфер культуры Бурдьё понятием мира искусства Данто, при одновременном обосновании творческого прочтения искусства как символической формы в терминах эстетических симптомов Гудмена. Но чтобы сделать эти разнородные источники действительно эффективными, необходимо ввести идею художественных концепций. Это понятие, которым пользуются как философы, так и люди искусства (А. Гелен, С. К. Лангер, П. Бурдьё, А. Матисс, Г. Апполинер и т. д.) трактуется по-разному. Во-первых, как ключ к пониманию зависимости между отдельными произведениями искусства и культурой как целостности. Во-вторых, произведение искусства может мыслиться как то, что деконструирует, ставит под сомнение и сокрушает принятые коды символического порядка визуальной культуры данного периода. И в том, и в другом случае речь идёт о месте искусства как целого в визуальной культуре. Третий подход сосредоточивается на специфической генеалогии каждого конкретного произведения искусства. Понимание отдельного произведения искусства требует знания того, является ли оно частью какого-то цикла, серии, модели или секвенции. Произведения искусства, иначе говоря, не могут быть поняты как отдельные экспрессии их авторов. Художественная концепция типа: серия, цикл, секвенция, модель определяет пути визуальной культуры в категориях множественности (plurality), многообразия (multicity) и различия, вариативности (variety). Символизм современного искусства, утверждает Петцольд, можно понять только переходя от одного произведения к другому. Ни Н. Гудмен, ни А. Данто не обратили внимания на этот аспект. Важнейшим, однако, для него является четвёртый аспект — историчность (historicity). Сознание историчности искусства является решающим условием для понимания современного искусства, что справедливо подчеркивал и Бурдьё.

В заключение сделаем несколько замечаний. Исследование Петцольда, несмотря на категоричность некоторых высказываний (об

эстетике Канта, критической теории Хадермаса), отличает позитивное отношение к опыту современных философов и эстетиков. В нём тщательно взвешиваются возможности примирения теоретических и методологических (исходных понятий прежде всего) их позиций, хотя ни один из упоминаемых авторов не принимается безусловно. Это же, как отмечалось, характерно и для экскурсов в историю мысли. Своё исследование Петцольд ведёт на базе европейской культуры и традиции, в чём отдаёт себе отчет. Но его проект отличает попытка универсализации дискурса философии культуры и эстетики — обращение к опыту исследований культуры Востока и Африки представителями этих культур. Это касается не только размышлений по поводу возможностей символического обмена между культурами, но и темы современного искусства. Конечно, это фрагментарное обращение, но важен сам факт — попытка выйти за пределы точки зрения европейца на себя и других.

Характерной чертой концепции Петцольда является декларирование культуры как целостности духовного опыта. К этому обязывает уже само обращение к дискурсу философии культуры, как и вообще к понятию культуры, которое уже само по себе, замечает автор, предполагает идею интерсубъективности. Метафизические основания этой целостности концепция Петцольда отвергает, она ищет их не на субстанциональном уровне, что постоянно подчёркивается, а на функциональном. Характерно, однако, что идея целостности включает новый аспект: целостность духовного опыта человека связывается не только с его духовной, но и с телесной составляющей. При этом расколотость, расщеплённость человека рассматривается как то, что даёт основания для этого единства.

Ещё одно замечание касается открытости трактовок основных понятий. Некоторые из них остались за пределами данного очерка, например, понятие современности. Польская исследовательница творчества Петцольда и его переводчик А. Бандура в своём комментарии к переводу поясняет, что современность связывается им с Возрождением потому, что в этот период очерчиваются границы философской антропологии — оживает протагоровская версия челове-

ка как меры всех вещей и на все философские проблемы начинают смотреть сквозь призму индивидуальной философии. А ещё потому, что в этот период приобретает значимость оппозиция природы и культуры² и человек начинает рассматриваться как носитель двух начал — животного и собственно «человеческого». Складывается, однако, впечатление, что «открытость» (размытость, неопределённость) основных понятий (культура, философия культуры, эстетика, искусство) преднамеренна: автор даёт понять, что философия культуры — это особый тип рефлексии над культурой, а эстетика — это рефлексия над искусством. И этого достаточно, чтобы обсуждать все тонкости отношений между ними — проблему границ и общих территорий.

² *Bandura Agnieszka. Animal criticism. Esteticzny wumier kritichnej filozofii kultury Heinza Paetzolda / Zblizenia. Polsra-niemcy. Annaeherungen. Polen-Deutschland. Wroclaw, 2005. № 2 (41). S. 185.*

ЭРОТОСОФИЯ КАК АНТИЧНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

А. М. Соколов

История философии представляет собой ту область знания, которая требует, прежде всего, умения так или иначе обосновывать последовательность появления учений мыслителей прошлых эпох. Пожалуй, только в истории философии мы имеем дело с историей по преимуществу. Ведь только здесь возможно обнаружить логику развития в наиболее совершенном виде. С другой стороны, пафос философского знания исходит из того, что именно мышление определяет содержание нашей реальности, в силу того, что только в преломлении мыслительного акта бытие обретает упорядоченность мира. И, если философия, таким образом, стремится выявить наиболее существенные принципы действительности, то история философии открывает вневременную, универсальную их сущность. В этом смысле обращение к философии Платона — свидетельство интереса не к реликтовому материалу некогда великой эпохи, но — к подлинной архаике всей нашей культуры. Ведь, по большому счету, именно с Платона начинается настоящая философия; т. е. ответственное отношение человека к бытию посредством мыслительной деятельности. Впервые у Платона мифопоэтическая мысль становится философской, позитивно формулируя вопрос об истине, а вместе с тем вопросы о благе и красоте как ее ипостасях. Разумеется, следует иметь в виду, что об учении Сократа мы знаем со слов того же Платона.

Отечественные издания Платона, как правило, начинаются с «сократических» сочинений. Собственно платоновские произведения составляют второй и последующие тома. Диалог «Пир» обычно сле-

дует за «Федоном». Логика такого расположения, благодаря комментариям А. Ф. Лосева, не вызывает возражений. Очевидно, что на нее повлиял общий онтологически ориентированный подход к воззрениям греческого философа. А. Ф. Лосев обосновал такую последовательность текстов, которая наиболее адекватно реконструирует «генезис» платоновского учения об идее.

Между тем, если обратиться к Вл. Соловьеву, интеллектуальное влияние которого на Лосева общеизвестно, то можно увидеть, что его понимание платоновского идеализма проистекало из уяснения сути учения об Эроте. Оправданность такого подхода легко объяснима, во-первых, формально-стилистическими особенностями этого диалога; а, во-вторых, — постановкой самой проблемы, если ее рассмотреть в историко-философском контексте.

Формальные особенности диалога «Пир» состоят в том, что в нем не просто тесно переплетены рационально-философский и поэтико-мифологический стили, но второй на протяжении почти всего диалога довлеет первому. Только в завершающей речи Алкивиада Платон не прибегает к силе образов мифа и заменяет ее авторитетом последнего афинского героя.

Тематика диалога выходит далеко за рамки эстетического содержания и затрагивает интереснейший историко-философский вопрос о проблематизации истины, вопрос о природе ее «непотаенности». Ведь, пока тема истины не проблематизирована, мысль находится в непосредственном отношении к сущему, что характерно для мифопоэтического сознания. Если изначальное древнегреческое понимание истины выражалось как «нескрытое» и не имело ничего общего с суждением, в терминах которого истина разъясняется, то у Платона и позже у Аристотеля мы обнаруживаем преобразование изначального понимания истины на понимание ее как «правильности». Тем самым изменяется само начало философии и ее последующая история. Тем самым возникает философия как таковая.

Платон впервые делает истину предметом мышления. Поэтому анализ перехода от традиционного мифопоэтического понимания истины к философскому, позитивно аргументируемому пониманию

представляется интереснейшей и важнейшей задачей. Кроме того, можно даже утверждать, что эстетический аспект «Пира» играет исключительно служебную роль. Главное же место отведено теме первоначала, формам его актуализации и описания этих форм.

Так, уже Федр начинает с того, что «Эрот — бог древнейший» и как таковой является «источником величайших благ» [178-с]. В совокупности указанные особенности позволяют рассматривать данный диалог как исходный в порядке развития платоновского идеализма. А то, каким образом философ разворачивает учение об Эроте, допускает вынесение на первый план антропологической подоплеки идеализма в целом. Причем платоновский антропологизм теснейшим образом связан с образовательной традицией греческого полиса, инициировавшей продуктивную энергию культуры за счет создания напряженности между мусическим, т. е. духовным, и гимнастическим, т. е. телесным, воспитанием.

Сам Платон, как известно, был олицетворением такого воспитания. Став победителем в борцовских состязаниях на Истмийских играх, он был известен в качестве замечательного поэта. Собственно, мусическая сторона образованности Платона наилучшим образом проявилась в его философских сочинениях. «Пир» — блестящий тому пример. Кроме того, что здесь мысль философа получила образное выражение, сама эта образность приближается к понятийной определенности.

Так, в первых пяти речах, Федре, Павсания, Эриксимаха, Аристофана и Агафона, конечно же, преобладает мифолого-поэтическое содержание. Эта часть интересна тем, что в ней Платон, как бы иллюстративно, реконструирует досократовскую философию. А.Ф. Лосев назвал данный диалог «учением о пределе». Не относится ли данное определение только к «досократовской» части сочинения? Само в себе различающееся первоначало, достигающее внутренней целостности через динамическое взаимодействие частей, — что это как не совершеннейшее выражение всех предшествующих философских достижений о первоначале и предпосылках его актуализации?

Правда, из первой части особо следует обратить внимание на «аристофановский» миф об андрогиннах, перволюдях, символизирующих

диалектический принцип бытия — движение (стремление) к целостности. Вероятно, эта история является первой философской попыткой определения важнейшей интуиции греческой мысли об исключительном положении человека в космосе: человек есть просвет бытия (Хайдеггер). Хаос противоположностей, пошлого и благородного, небесного и земного, телесного и духовного, прекрасного и безобразного, мужского и женского — бытие в предначальной ипостаси — обнаруживает свою определенность через человека. Эротическое стремление андрогинна означает потенциальную целостность бытия. Интересно, что, согласно автору это мифа, андрогинны изначально были совершенны, что безусловно предполагает не только их мощь (за которую они и пострадали), но, видимо — и красоту. Так вот ее-то можно только помыслить в качестве совершенного. Вообразить же андрогинна прекрасным — невозможно. Эстетический образ заменяется логическим понятием.

Та же критика мифопоэтического, или образно-эстетического, мышления продолжается во вступительной части сократовской речи, в которой ирония обнаруживает фактическую неопределенность эстетического сознания. Неслучайно Платон уподобляет агафоновское многословие «мертвящему» заговариванию истины Горгия.

Замечателен прием, к которому прибегает Платон, чтобы вновь вернуться к двойственности Эрота. Диотима, странная мантинейка, удостоверяемая Сократом, очевидно, олицетворяет тот самый, безобразный, земной, неясный источник мудрости и всякой добродетели, о котором говорил Павсаний. Диотима — это иное Сократа. Ее знание — это знание, которое есть в каждом. Однако только некоторые из них способны его прояснить. Причем, Сократ как наставник, мастер (каменотес) всякий раз выражает готовность содействовать этому процессу. Двойственность Эрота в словах Диотимы оборачивается стремлением преодолеть бессмертие через рождение в прекрасном (206-е, 207-d). Те, у кого разрешиться бременем стремится тело, обращаются больше к женщинам и служат Эроту, надеясь деторождением приобрести бессмертие и счастье» (209-а). Телесное «рождение» Платона интересует в меньшей степени, скорее всего, именно по причине его случайности и незавершенности. Физическое

стремление к бессмертию — иллюзия, теряющаяся в неисчислимости возникающих и исчезающих форм. Тем не менее, было бы неверным утверждать, что телесное как таковое у философа теряет всякое положительное содержание.

Несомненно, что именно у Платона завершается формирование видения мира как действительности, осуществляющейся по мере постижения человеком идеальных сущностей, обретения им подлинной свободы и раскрытия им своей собственной сущности. Использование латинского термина «*existentia*» очень хорошо иллюстрирует характер такого понимания платоновского учения в контексте греческого миропонимания в целом. Экзистенция как выход за пределы телесной ограниченности, по-видимому, и должна приниматься как нечто близкое к платоновскому пониманию сущности человека. К тому же сам опыт греческой жизни был непосредственным выражением того, что опосредованно сформулировал Платон. Диалог как рафинированная форма усмотрения истины; полис как ее реальное присутствие. Именно потому истина и не может иметь субъективного характера (хотя и «открывается только лицу частному»), что предполагает содействия мира, т. е. полиса. Именно поэтому истина всегда всеобща. Именно поэтому тот, кому она открывается, избавляется от частной определенности, умирая для случайного, непостоянного мира, устремляясь к идее вечного блага. Не будет ошибочным утверждение, что платоновская мысль ориентировалась на установление того обстоятельства, что упорядоченность бытия обеспечивается внутренним самостоянием каждого человека, для которого истина раскрывается в зависимости от настроенности их душ.

Платоновское понимание устройства души теснейшим образом связано с его пониманием диалектики как искусства красноречия. Душа, внутреннее поведение и укорененное в бытии существование человека определяется надлежащим и правильным отношением к слову и к самому себе, т. е. в правильной соизмеримости и адекватном отношении к самим вещам, которые постигаются в их «несокрытости». Слово для Платона — это то, чем улавливается бытие. Подлинное же слово рождается только в беседе. Оно одновременно и обращено к собесед-

нику, и исходит от него. Прекрасное рождается в душе собеседника, но оно бесплодно без того, кем ведется беседа. Рождение прекрасного представляет собой событие, происходящее в живом, непосредственном взаимодействии нескольких душ. Вот почему Платон критически относится к письменности. Живая речь имеет действенный характер только в том смысле, что она позволяет другим видеть как раз то, о чем именно идет речь. Именно «видеть», но не чувственным взором, а умственным. А в силу того, что предельным предметом умозрения выступает идея «блага», «пайдейя» (воспитание, образование) ведет к изменению души, а стало быть, — к изменению природы истины.

Платон по рождению, по образованию был эллином в самом точном смысле слова. Калокогатия — единство мусического и гимнастического воспитания — в полной мере была реализована в его натуре. Поэтому и первая ступень на пути к постижению истины, согласно его учению, связана с элементарной формой влюбленности к прекрасному телу. Правда, последнее здесь уже играет только служебную роль. Оно значимо лишь потому, что в нем порождаются любящим «прекрасные мысли» (210 a-b) (т. е. субъективное созерцание истины); затем — «прекрасные суждения» (210-c) (объективируемое постижение истины); наконец — «великолепные речи» как предвосхищение прекрасного самого по себе (210-d — 211-b).

Завершается диалог, как известно, речью Алкивиада. Учитывая блестящее стилистическое мастерство Платона-литератора, невозможно усомниться в его исключительной заинтересованности именно в таком финале произведения. Внезапное появление Алкивиада взрывает размеренное течение беседы. «Опьянение» сократовского любимца оказывается той стихией, в которой рождается прекраснейшая из всех речей, в которой нет ни вымысла, ни преукрашенности. Алкивиад, обеспеченный аристократ, искусный воин, исключительно образованный гражданин и удачливый молодец-любовник, повествует о любви к уже дряхлеющему, безродному Сократу, имеющему в Афинах довольно сомнительную репутацию.

Алкивиад честно рассказывает о насмешках, поначалу вызванных у Сократа неразумными приставаниями афинского красавца. В кон-

тексте всего платоновского произведения очевидно, что подобное откровение иллюстрирует то первичное любовное отношение, порожаемое физической определенностью, которое свойственно любому человеку в его непосредственной явленности. Примечательна тщательность, с которой Алкивиад излагает о множестве безуспешных попыток склонить Сократа к телесной, безобразной близости. Его тянет к «мудрейшему из смертных». Однако душа одаренного, но незрелого мужа в то же время зрит только бездны телесных утех, тем самым ввергаясь в смятение. Если бы все только им и заканчивалось, то содержание культуры сводилось бы в лучшем случае к рафинированию сексуальных практик. Поэтому Сократ, симпатизирующий младшему товарищу, не отказывает ему в дружбе, но последовательно отсекает его неразумные притязания. Он подобно каменотесу освобождает несовершенную натуру Алкивиада от чуждых ей элементов, просветляя ее, стремясь родить в ней прекрасные мысли, суждения, речи.

Речь Алкивиада — достойнейшее завершение не только диалога в целом, но и — завершение самого Алкивиада, в котором безобразная неопределенность телесности преодолевается просвещенностью благородного гражданина. Неслучайно, в диалоге «Федр» Платон вновь обращается к теме эротического восхождения души, в пределе обретающей способность не только созерцать «прекрасное само по себе», но и раскрывать истину ищущим ее душам. Искусство — сводить многое к единому, а в едином различать особенное — философ, как известно, называет «диалектикой»; а умение выражать суть этого искусства — красноречием. Таким образом, и диалектика, и красноречие у Платона оказываются непрменными спутниками эротософии, которая позволяет, с одной стороны, преобразовать хаотический поток чувственности в упорядоченность мира (космоса), а с другой — заботиться о собственной телесности, представляющей в этом космосе уникальную завершенность индивидуальности. Здесь мы видим «превращение» истины в «правильность», как бы выводящую человека из непосредственности бытия. Тем самым происходит отделение «фундаментального опыта постижения истины», что свидетельствует об «ослаблении базисного значения слова “алетейа”». Потому отныне «местом истины

и лжи оказывается судящее высказывание разума. Вместе с изменением сущности истины изменяется сущность человека, находящая свое выражение в теории как образе жизни. С другой стороны, теория утверждает принцип единства истины и красоты, так как «красота есть наиболее светоносное» и потому «именно она делает возможным раскрытие бытия даже в самых мимолетных явлениях».

Схожесть судеб учителя и ученика свидетельствует о мастерстве Сократа и верности Алкивиада. Оба как воплощение греческой добродетели были преданы деградирующими в демократии Афинами. Оба видели трагическое завершение своего земного пути и прошли его до конца. Как настоящие трагические герои, они, может быть, последние указали на подлинную красоту греческой индивидуальности.

Рассуждения Сократа, изложенные в диалоге «Федон», замыкают горизонт эротософии. В своих последних размышлениях друг, наставник Платона и Алкивиада возвращается к теме бессмертия — теме, с которой уже в «Пире» увязывалась сущность космичности бытия. Человек — просвет бытия, а философ, как ранее поэт, — человек по преимуществу. Платон потому называет устами Сократа философствование искусством умирания, что в нем происходит исцеление раздробленной телесности, а, в этом смысле, — избавление от нее, и постижение подлинного эйдоса человека. В конечном счете, феноменальные экспликации греческих героев малозначимы в сравнении с тем, что открывает нам о них память, успевшая всего за два тысячелетия (чуть больше) примирить в себе то, что было рождено земным произволом.

Метафизика Платона укоренена в мифопоэтическом мирозерцании древних греков, придающим слову онтологическую характеристику. Слово для греков имеет сущностное достоинство. В соответствии с этим достоинством поэтизация и мышление для них имели высший ранг и высшее значение. Мифопоэтическая экспликация платоновской метафизики может быть понята как уловимая словом «суть самого бытия, всего сущего и происходящего», причем нередко невидимого и непостижимого, но более близкое человеку, так как обнаруживается человеком в самом себе.

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС В АФИНАХ*

В. М. Дианова

Всемирные философские конгрессы проводятся, начиная с 1900 г. Тема двадцать третьего по счету конгресса, состоявшегося с 4 по 10 августа 2013 г. в Афинах — «Философия как познание и образ жизни». Конгресс проводился под эгидой Греческого организационного комитета, образованного греческим философским обществом. В работе Конгресса, согласно статистике, приняли участие 3114 философов из 100 стран. От Греции участвовали 678 человек (358 мужчин и 320 женщин); из России приехали 334 докладчика (161 мужчин и 173 женщин), чьи выступления были включены в официальную программу Конгресса, а абстракты опубликованы (вместе с гостями от России — 467 человек). Третье место заняли США — 224 докладчика (174 мужчины и 50 женщин), четвёртое место — Китай (185 человек). Далее следуют Индия — 144; Германия — 106; Мексика — 101; Япония — 101; Испания — 83; Бразилия — 79; Италия — 77; Аргентина — 66; Канада — 62; Турция — 59; Польша — 49; Колумбия — 44; Франция — 42; Финляндия — 38; Румыния — 36; Тайвань — 33; Израиль — 27; Австралия — 24; Корея — 24; Швейцария — 23; Нидерланды — 22; Португалия — 22; Украина — 19; Дания — 18; Латвия — 18; ЮАР — 17; Австрия, Казахстан, Перу, Уругвай и Швеция — по 16 человек; Чили — 15; Бельгия, Великобритания и Норвегия — по 13 человек; Ирландия и Венесуэла — по 12; Нигерия — 11; Азербайджан и Филиппины — по 10; Кипр — 9 человек.

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 23.41.1637.2013

Остальные 55 стран — менее 9 человек каждая страна¹. Согласно этим данным Россия заняла первое место среди зарубежных делегаций по количеству человек, принявших участие в работе Конгресса.

Основные мероприятия конгресса проходили в Школе Философии Афинского университета. Работа конгресса была спланирована на неделю и включала в себя пленарные и секционные заседания, симпозиумы, специальные сессии. В первый же день проведения конгресса после пленарного заседания и работы секций состоялось официальное открытие XXIII Всемирного философского конгресса, которое проходило в открытом древнем театре «Одеон». С приветственными речами выступили Председатель Греческого организационного комитета профессор Константин Будурис, председатель Международной Федерации философских обществ профессор William L. McBride, мэр Афин профессор Georgios Kaminis, премьер-министр Antonios Samaras, глава региона Аттики XXIII Mr. Ioannis Sgouros. После этого состоялся грандиозный концерт Афинского симфонического оркестра с участием Афинского сводного муниципального хора и ансамбля танцев. Прозвучали фрагменты из произведений Бетховена «Руины Афин», Керубини «Медея», Глюка «Орфей и Евридика» и греческих композиторов XX в. Н. Скалкотаса и М. Хаджидакиса, а также современного композитора Э. Калканиса — зрелище грандиозное и незабываемое.

Опубликованы программа и тезисы участников конгресса в брошюре, которая представляет собой увесистый том из 818 страниц². Доклады участников конгресса, о чем нас уведомили еще раз уже по возвращении с конгресса, будут проходить специальное рецензирование и со временем (возможно, не все) будут опубликованы. Хотя уже сейчас в отечественных изданиях можно ознакомиться с текстами некоторых докладчиков³.

¹ Официальная статистика XXIII Всемирного философского конгресса // Вестник Российского философского общества. 2013, № 4 (68). С. 11.

² XXIII Всемирный философский конгресс «Философия как познание и образ жизни». Программа. Афины 04–10 августа 2013. С. 13.

³ К итогам XXIII Всемирного Философского конгресса и культурно-познавательной акции РФО // Вестник Российского философского общества. 2013, № 3 (67).

Большой интерес вызвало выступление на пленарном заседании Юргена Хабермаса. Философ говорил об актуальных проблемах человечества, вызванных формированием глобального мирового сообщества. Речь шла о расширении транснациональных связей, о наднациональном расширении гражданской солидарности, об общем европейском будущем. Европейский Союз он расценивал как важный шаг в этом направлении. Немецкий философ исходил из реальной ситуации, сложившейся в Европе, сказывающейся в том, что пятьдесят лет происходила трудовая иммиграция и потому уже не представляется возможным мыслить государственные народы в Европе в качестве культурно однородных единиц; что произошло усиление этнического, языкового, религиозного многообразия, чему способствуют ныне Интернет, туризм — все это превратило государственные границы в весьма условные и прозрачные. В этой связи, поясняет Ю. Хабермас, необходима смена перспективы в виде перехода от «классического» международного права к политической конституции мирового общества. Эти перспективы, по его убеждению, уже более не являются исключительно умозрительной конструкцией, ибо сама социальная реальность навязывает современному общественному сознанию это изменение перспектив. Начавшемуся процессу сопутствует множество проблем, в том числе конституционного права, различия интересов граждан государств и граждан мира, разрыв между демократическими массами и политической элитой, которая решает насущные задачи на фоне апатии своих граждан. При этом Ю. Хабермас высказал уверенность, что политически организованное Международное сообщество государств может быть со временем превращено в Глобальное космополитическое общество.

Немалый интерес был проявлен к пленарному докладу «Философия как этический проект» директора института философии РАН академика А. А. Гусейнова. С огорчением узнали участники конгресса, что из-за плохого самочувствия не приедет на конгресс Умберто Эко, но текст его доклада был на конгрессе зачитан.

Заявленная тематика многих докладов, а также название секций свидетельствовали об изменениях в философии. Среди её главных

тенденций некоторые отметили тенденцию отказа от поисков истины, более прагматичную тематику исследований, подтверждением чему оказались наиболее популярные по посещаемости секции: философия бизнеса, философия тела, гендерная философия, философия спорта. Кроме того, можно отметить разноречивость в приоритетах: Западную философию во многом расценивают как устаревшую, Китай пропагандирует марксизм... Многие участники конгресса признали, что идет сокращение преподавания философии во всем мире.

Конечно, конгресс заслуживает того, чтобы о нем было написано множество впечатлений, суждений и отзывов непосредственных участников. Собственно это осуществляют журналы, публикующие самые разнообразные отклики и мнения.

Отметим только, что это мероприятие не может быть отнесено к разряду сугубо профессиональных, его значимость неизмеримо шире, проведение конгресса стало событием культурной жизни. На конгресс съехались представители разных культур с тем, чтобы достичь взаимопонимания и выработать единство мнений по формированию философского образа жизни. Об этом в обращении к участникам конгресса говорил Президент Греческого Организационного Комитета господин Константин Будурис, высказав уверенность, что конгресс предоставляет возможность лучше узнать друг друга, установить пути открытого общения и что по мере его проведения «нам выпадает удобный случай, как существам разумным, этого малого и, одновременно, большого мира, по мере своих сил и возможностей, сформулировать плодотворные и позитивные мысли о состоянии дел нашей Эйкумены и постараться достигнуть согласия между верованиями, теориями, концепциями и тем образом жизни, которому мы должны следовать, как существа с повышенным чувством моральной ответственности по отношению к нашим ближним и всем другим существам природы». Комментируя тему конгресса, господин К. Будурис заметил, что она побуждает задуматься над сократовским вопросом «Как же следует жить?», посмотреть на различные способы и образы жизни всех народов Земли, подойти к философии как искусству жизни.

Конечно, немаловажно, что впервые философский конгресс проходил на родине философии. Гулять по улицам Софокла, Еврипида, Анаксагора, Зенона, Сократа, Платона, Аристотеля, Дионисия Ареопагита, вдыхать дух древнейших времен — все это дорогого стоит. Город гостеприимно принимал участников конгресса — свидетельством чему можно считать огромные афиши с рекламой конгресса в вестибюлях метро (которые, кстати сказать, по оформлению интерьеров могут быть вполне сравнимы с некоторыми залами Эрмитажа, представляющими античную культуру). Удачным решением организаторов конгресса оказалось проведение сессий в значимых местах вне основной площадки конгресса, которые были выбраны в соответствии с памятью о философской и общественной жизни, протекаемой в Древней Греции. На этом хочется остановиться особо.

Одна из сессий была проведена в городском парке, где когда-то была Академия Платона. Известно, что Платон создал Академию после своего возвращения из Сицилии весной 387 г. до н. э. В то время она располагалась за пределами города, в 1,5 км от городских ворот. Этот район был известен своими прекрасными оливковыми рощами и текущими водами реки Кефис (Cephisus). Здесь было множество святынь и алтарей, посвященных Академосу, Эросу, Зевсу, Прометею, Гепесту; здесь была расположена одна из трех гимназий древних Афин, в которой Платон открыл свою философскую школу. Среди студентов и сотрудников Платона были Аристотель, великий математик Евдокс Книдский, астроном, механик и философ Гераклid Понтийский, математик, философ и астроном Филипп Опунтский, Дион Сиракузский и многие другие. Учеба в Академии была открыта для всех, мужчин и женщин, богатых и бедных; здесь учились сыновья ведущих политических семей греческого мира, а также скромные фермеры, причем не взималась плата за посещение. Военные нашествия (кровавая осада Афин в 86 г. до н. э., осуществленная под предводительством римского полководца Суллы), природные катаклизмы (неоднократные разливы реки Кефис), административные законы (в 529 г. император Юстиниан издал декрет о закрытии философских школ в Афинах) —

все это и многое другое сказалось на судьбе Академии и со временем ее следы исчезли из поля зрения.

Усилия по определению точного местоположения платоновской Академии были предприняты только с созданием современного греческого государства. Используя древние источники, археологи исследовали область к западу от Дипилон (двойные ворота). Одним из первых исследователей в определении местонахождения платоновской Академии был английский археолог Вильям Лик (1777–1860). Первые раскопки осуществил в 1908 г. P. Kastriotis, в дальнейшем они возобновлялись с некоторыми перерывами. В 1965 г. Академия была официально объявлена археологическим памятником, а в северной части территории парка платоновской Академии было принято решение создать археологический музей Афин. В 1997 г. в соответствии с Законом об унификации археологических памятников в Афинах вся территория платоновской Академии была причислена к археологическим памятникам. Раскопки ведутся здесь по сей день.

И вот в этой археологической зоне, рядом с законсервированными фундаментами древних зданий, 6 августа 2013 г. состоялась специальная сессия Всемирного философского конгресса. Подобные практики философских заседаний проводились здесь и раньше. В течение пятнадцати лет, с 1989 по 2004 г., профессор Афинского университета К. Будурис проводил в этой знаменательной местности Международные семинары по философии, в которых приняли участие тысячи граждан и представителей интеллигенции. Хочется отметить случайное совпадение: 2013 г., в котором был проведен XXIII Всемирный философский конгресс в Афинах, оказался юбилейным: 2400 лет тому назад была основана Академии Платона.

Среди нас, участников сессии, проходящей в этом парке археологических раскопок, ее организаторы распространили Обращение, из которого следовало, что территория парка находится под угрозой реконструкции, что правительство и сотрудники муниципалитета Афин планируют передать эту территорию в ведение частных лиц и что на этом месте планируется построить торговый центр. инициа-

торы этого Обращения предлагали нам, участникам конгресса, поддержать их инициативу по сохранению этого археологического памятника и его дальнейшему восстановлению; они поведали нам о намерении выдвинуть его в качестве объекта для включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО; инициировали идею о возрождении на этом месте Академии Платона в качестве центра культуры и образования, а также туристического объекта с прямой выгодой для греческой экономики, так как возникли бы новые рабочие места и тем самым был понижен уровень безработицы в условиях современного мирового финансового кризиса.

Некоторые дельные предложения в распространенном Обращении и отдельные положения явно шли в разрез с информацией, почерпнутой из свежей прессы, где речь шла о только что принятом новом проекте реконструкции, восстановления и реставрации частей сохранившихся исторических ценностей археологической зоны Академии Платона. Приведем здесь полностью это лаконичное сообщение, из которого следовало, что «во вторник на Центральном Археологическом Совете был дан зеленый свет для начала претворения в жизнь нового проекта, касающегося изменения и озеленения треугольника, ограниченного улицами Кратилу и Монастыриу, где расположены предназначенные к сносу старые исторические археологические хранилища. В единую зону будут объединены и открыты для просмотра такие памятники, как Священный Дом и Дом Академа. Священный Дом является постройкой геометрической эпохи (прим. 700 г. до н. э.), полностью из необожженных плит. В 50-х годах ее обнаружил археолог Фивос Ставропулос. После затопления в 1961 г. памятник почти полностью был разрушен, осталась лишь одна плита, которая хранится сейчас в археологическом музее. Гораздо больше повезло строению, которое считается древним жилищем героя Академа. Эти два памятника вместе с Гимнасием и Философской школой Платона будут объединены в единый комплекс, который будет обнесен оградой и озеленен. На территории собираются выставить различные находки — саркофаги, статуи, небольшие беседки и арки. Новое археологическое хранилище в 600 кв. метров, открытое для посещений,

и система мягкой подсветки, которая будет выгодно подчеркивать экспонаты на аллеях в темное время суток, будут последними штрихами, завершающими создание замечательной зоны, объединяющей философскую идею, отдых, историю, археологию и память людей»⁴.

Вот такой фрагмент из жизни участников конгресса захотелось запечатлеть автору этой статьи. Фрагмент, свидетельствующий о синхронизации культуры прошлого и настоящего, о драматических страницах реальности, складывающихся в заботе о надлежащем сохранении культурного наследия, ответственности за сбережение культурных объектов и их актуализации в контексте современной культуры.

Подводя итог, заметим, что помимо безусловного интереса к прослушанным на конгрессе докладам, неоспоримой ценности профессионального и попросту человеческого общения, пожалуй, главная значимость прошедшего Всемирного философского конгресса в Афинах в самом факте свершившегося, в событийности, в том, что подобные конгрессы свидетельствуют о неизменном присутствии философии в контексте современной культуры, в неисчерпаемости философской мысли, притягивающей к себе представителей разных народов и возлагающих на философию миссию выработки умения достойно жить в этом сложном и многообразном мире.

⁴ Цирмираки Н. Реконструкция Академии Платона // Московский комсомолец. Афинский курьер. 02.08.13. <http://www.nashagazeta.gr/rkonstrukzi-akademii-platona/>

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КРАСНОЯРСКЕ О ГЛОБАЛЬНОМ БУДУЩЕМ

В. И. Кудашов

17–18 октября 2013 г. в Красноярске состоялась Всероссийская научная конференция «Глобальное будущее 2045: Проблемы социальных и культурных преобразований». Организаторами мероприятия выступили Сибирский федеральный университет (Красноярск), Институт философии РАН и Стратегическое общественное движение «Россия 2045» (Москва). Конференция собрала ученых, философов из 24 городов России и ближнего зарубежья, став заметным культурным и научным событием и найдя отклик в средствах массовой информации. Философы, социологи, физики, математики, биологи и общественные деятели предложили свое видение концепции выживания человечества в техногенной цивилизации и выхода из потребительского тупика, обсудили социальные проявления антропологического кризиса, проблемные горизонты трансгуманизма.

В условиях, когда даже обращение к вечным общечеловеческим вопросам рождает бесконечное разнообразие самых противоречивых суждений и оценок, стало сложно говорить о чем-то устойчивом, что не подвергнется ревизии и пересмотру. Парадоксально, но даже в таком до предела насыщенном информационном пространстве современности до сих пор нет по-настоящему основательных, капитальных футуристических проектов. К сожалению, «этос повседневности» в большей степени нацелен на решение текущих задач и проблем, отнимающих львиную долю энергии, интеллектуальных усилий у подавляющего большинства людей. Обоснованное проектирование собственного будущего является насущнейшей проблемой философ-

ского анализа, которое во все времена было в авангарде научного поиска. Оно не только комментировало, классифицировало и обобщало уже имеющиеся данные, но и открывало доселе неведомые горизонты познания, прочерчивало магистральные векторы будущего развития, предостерегало от возможных рисков и опасностей.

Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор Д. И. Дубровский в пленарном докладе «Природа человека, самопознание и проблемы антропотехнологических преобразований» представил слушателям, какие перспективы открывает разработка новых технологий, в том числе в области искусственного интеллекта. Он говорил о том, что пришло время осознать, насколько губительным является тот путь, по которому идет сегодня все человечество. Чтобы изменить губительную траекторию нашей цивилизации, необходимо коренным образом изменить сознание массового человека, а это равносильно изменению его природы. Причем сделать это необходимо не ради какой-то абстрактной идеи прогресса, но ради сохранения и выживания человека как вида, так как он неуклонно движется к гибели, но старается не замечать негативных моментов для сохранения своего психического равновесия.

Так возникает феномен самообмана, что вызывает антропологические проблемы, свидетельствующие о дефиците самопознания. Д. И. Дубровский называет фундаментальной асимметрией разрыв и вопиющую несоразмерность познавательной и преобразующей деятельности человека, направленной во внешний мир, с одной стороны, и самопознания, самопреобразования — с другой. Дубровский предлагает качественно новый этап развития человечества, видя два возможных пути решения данной проблемы: либо изменять биологическую природу человека путем реконструкции его генома и тем самым изменить его психику, цели и способы его жизнедеятельности; либо воплощать разум и социальную индивидуальность во внебиологической самоорганизующейся системе, то есть пойти по пути антропотехнологических, трансгуманистических преобразований.

Теоретически возможны оба варианта, но первый путь, по мнению ученого, является более долгим, сложным и рискованным, спо-

собным повлечь неконтролируемую цепную реакцию мутаций, возникновение новых живых существ, которые не оставят человеку места на Земле. Второй путь представляется более предпочтительным, поскольку он не предполагает радикального вмешательства в геном человека и необходимость погружения в бездну генетических сложностей и немыслимых последствий. Он позволяет оставаться на уровне сравнительно контролируемых результатов цифрового и иного моделирования. Д. И. Дубровский привел развернутую аргументацию в защиту предложенного им варианта выхода человечества из тупика, преодоления современных проблем человечества, его выживания, дальнейшего развития.

В докладе главного научного сотрудника Института востоковедения РАН, доктора философских наук, профессора А. П. Назаретяна «Середина XX века: загадка сингулярности» была отмечена актуальность рассмотрения не только эволюции человека, но эволюции всей Вселенной от Большого Взрыва до современности. Назаретян отметил, что если ранее считалось, что почти любое эволюционное изменение вызывалось какими-то внешними причинами (извержение вулканов, падение метеоритов, землетрясение и пр.), то с 90-х годов XX в. многие исследователи приходят к мнению, что практически все изменения системы, в том числе кризисы и катастрофы, вызваны имманентными причинами. Предполагается, что будущее метагалактики будет определяться развитием рацио, ума, сознания (не обязательно человеческого). Опираясь на исследования ученых различных направлений, от естественнонаучных до гуманитарных, А. П. Назаретян утверждает, что в середине XXI в. наступит так называемая «точка сингулярности», что приведет к неизбежному качественному изменению человечества. Ученый полагает, что мы уже вступили в фазу языковой турбулентности, когда значение многих слов, фундаментальных понятий культуры резко меняет свое значение, происходит дрейф семантических рядов. Это позволяет утверждать, что век homo в традиционном значении подходит к концу, и будущее принадлежит неким симбиотическим формам.

Профессор В. Г. Буданов из Института философии РАН в докладе «Трансгуманизм и проблема антропологической целостности» рассмотрел важнейшие составляющие человеческого существа и существования, обращая внимание на то, что современная цивилизация не только не способствует развитию человека, но и распыляет фундаментальные составляющие его природы — творческое начало, духовные компоненты, ощущение слиянности с миром, связь микрокосмоса и макрокосмоса. Общество потребления блокирует и творчество, и саморазвитие. По мысли докладчика, только общество будущего будет способно не развивать человека нового, но восстановить духовность человека, утраченную в ходе техногенной цивилизации. Идеи изменить человека были всегда, но только сейчас их стали осознавать через нейросреды, через нейромир. В обществе будущего возникнет альтернатива сетевых сообществ, в которых будет развиваться неочеловек. Новое поколение совершенно по-другому будет видеть этот мир, мир техногенной ноосферы, ведь главная задача поколения next будет связана с проблемой самореализации. Таким образом, считает профессор Буданов, есть еще один путь развития цивилизации, совершенно не противоречащий идеям, выдвинутому стратегическим общественным движением «Россия 2045».

Проблема будущего человечества напрямую сопрягается с психосоциальными проблемами, проблемами сознания и самосознания. Наблюдаемый рост психических отклонений, их характер и специфика есть результат человеческой эволюции. Безусловно, преодоление страхов и фобий людей прошлого есть весомая заслуга неврологии, психологии и психиатрии. Но на смену старым проблемам приходят новые как результат и издержки человеческой эволюции. В решении проблем внедрения новых технологий, как показал член-корреспондент РАН В. Ф. Петренко (Психологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова), важными оказываются не только вопросы телесной «совместимости» человека и кибернетической среды, но и психологические аспекты взаимодействия «живого» и «неживого», а также проблема буквального внедрения и вкрапления электроники,

«железа» в тело живого человека. Предстоит изучать, как считает Петренко, насколько изменится (а оно непременно изменится) сознание такого человека и что мы получим в итоге.

Заведующий кафедрой философии СФУ доктор философских наук, профессор В. И. Кудашов в своем докладе «Неочеловек: порыв в трансцендентное и культурные ограничения» рассуждал о трансцендентном как устремленности человека к запредельному в своем самоутверждении, как доказательстве его безмерности. Трансцендентность может быть связана с перспективами нового гуманизма, с осмыслением проблем неочеловека как движением к более высокому уровню организации природы. Перспективы поиска новой человеческой трансцендентности возможны в контексте постгуманизма или трансгуманизма, включающего в себя различные практики посттелесности. Возможно, что идея преобразования человека, которую сегодня поддерживает движение «Россия 2045», — это проявление культуры европейского Просвещения, последствия европейского утопизма.

Хотя, как считает В. И. Кудашов, идеи преобразования человека имеют общечеловеческий характер, их разделяет лишь определенная категория людей. Близки они людям, которые ненавидят зависимость, подчинение, игру по чужим правилам, которым свойственно отчаяние перед небытием, тоска по свободе, желание новизны, желание другой жизни. Вероятно, эти черты являются порождением именно европейской культуры как наиболее зрелой с точки зрения осмысления свободы и ответственности. Этим идеям и переживаниям можно противопоставить по контрасту идеи терпения, покорности, добровольно успокоенного рабства, тоже имеющие свои проявления в европейской культуре, но еще больше в иных формах человеческой культуры. Эти формы являются духовным основанием как религии, так и будничного прагматизма, так называемой житейской мудрости, что психологи и философы называют естественной установкой массового сознания. Идея антропологической революции, по мнению Кудашова, безусловно, многим чужда. Но раз идеи уже появились, то они вряд ли исчезнут — они могут критиковаться, могут находить иные варианты своего развития, в том числе в таких проектах, как «Россия 2045».

Интересный вариант усовершенствования человеческой природы был предложен профессором А. Д. Московченком (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники) в докладе «Автотрофное технологическое движение — реальный выход из человеческого тупика». По его мнению, изменение собственного сознания в условиях кризиса современного потребительского общества неизбежно, но эти изменения должны привести к изменениям и в телесной природе человека, активизировать его скрытые резервы и возможности, которые в потребительском обществе обречены на стагнацию. Только таким образом человечество может действительно покинуть свой родовой дом — Землю и отправиться к новым рубежам.

На этом пути нельзя забывать о собственно антропологии, что акцентировал в своем докладе «Ориентир “Человек 2.0” и методология антропологических исследований» профессор кафедры философии Сибирского федерального университета Н. В. Омельченко. Прежде чем строить проекты преобразования человеческой природы, необходимо понять, а что, собственно, делает человека человеком, где то смысловое зерно, не дающее распасться, раствориться собственно человеческому началу в человеке и что необходимо всегда, при любых обстоятельствах, при любом прогрессе пронести на протяжении всей человеческой истории, потому что сказано: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

С интереснейшими докладами выступили профессор Самарского государственного аэрокосмического университета, доктор философских наук А. Ю. Нестеров — «Проблема человека в свете эволюционного трансгуманизма»; декан философского факультета Новосибирского госуниверситета, доктор философских наук, профессор В. С. Диев — «Управление безопасностью и риском: концептуальные основания принятия решений»; заведующий кафедрой философии Хабаровского университета путей сообщения, главный редактор журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», доктор философских наук, профессор Ю. М. Сердюков — «Бессмертие и смерть в современной материалистической перспективе». Заведующая кафедрой философии Вологодского государственного педаго-

гического института Н. А. Ястреб проанализировала взаимодействие человека с миром «интернета вещей». При дальнейшем развитии компьютерных и кибертехнологий сами вещи станут решать, что человеку лучше сделать, как он должен выглядеть и даже как и что он должен думать. Поэтому зависимость от технологий — это не угроза будущего, это уже наша реальность, наше опасное настоящее.

Очень интересные выступления, сопровождавшиеся не менее содержательными вопросами и дискуссиями, продолжались и во второй день конференции. Директор центра стратегических исследований и разработок СФУ В. С. Ефимов остановился на переосмыслении роли и значения образования в его классической и неклассической моделях, доказывая, что, при всех преимуществах современной системы образования, вызовы времени требуют ее кардинального пересмотра в плане поиска и определения новых приоритетов, новых целеполаганий. Доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Иркутского государственного университета Н. В. Мальчукова рассматривала человека и его сознание как психосоматическое единство в эволюции философских представлений; заместитель первого проректора Красноярского государственного педагогического университета Ю. Н. Москвич рассуждал о стратегической психологии глобального постчеловека: видение и ускользающая реальность; заведующий кафедрой философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, доктор философских наук М. Н. Чистанов рассказал об этнической и культурной идентичности в трансгуманистическом измерении.

Доктор философских наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета М. П. Яценко рассматривал аксиологические аспекты трансформации истории в глобальном мире; доктор философских наук, профессор кафедры философии Омского государственного университета И. А. Кребель говорила на тему «Мыслительные технологии в инновационном мире: конститутивный опыт Avatare»; доктор философских наук, профессор кафедры философии СФУ Ю. В. Грицков сделал доклад «Коллективное бессознательное в ситуации антропологического кризиса».

Новое видение реальности прозвучало в докладе С. В. Шевченко из Железногорска «Концепция ноостеизма», в котором обосновывалась необходимость смены старой парадигмы «человек — мир», где человек ощущал себя хозяином, на более чуткое и гармоничное взаимоотношение микро- и макрокосмоса, осознания более тесной связи человека, его духовного начала и мироздания в целом.

Большое значение в выступлениях на конференции было уделено и практической стороне технологических преобразований. Несмотря на все сетования по поводу инертности общества в вопросах внедрения новых подходов и технологий, директор технопарка КГТУ из Калининграда А. А. Меркулов в своем докладе «Создание в стране инновационно-территориальных кластеров «НБИКС» как научной, технологической и экономической платформы социальных преобразований» привел конкретные примеры успешного взаимодействия высоких научных разработок и их скорейшего практического апробирования и даже внедрения в производство. Очень интересным было выступление О. В. Квитко, ведущего научного сотрудника института генетики и цитологии Национальной Академии наук Беларуси с докладом «Конвергенция стратегий продления жизни: развитийная теория омоложения и проект «Аватар». На конкретных примерах ученый доказал, что продление жизни человека — это не научная фантастика, а будущая реальность, что опыты и эксперименты в этом направлении осуществляются во многих университетах мира, в первую очередь, в США и в Европе, но также и в Беларуси, и в России. Квитко настаивал на приоритете именно биологических технологий в проекте «Аватар», а также на возможности сотрудничества и «дружеского симбиоза» кибернетических и трансгенных технологий.

Значительным событием конференции стало выступление паралимпийца Алексея Обыденнова, чемпиона России по плаванию и четырехкратного чемпиона России по паравелоспорту, обладателя одного из самых совершенных на сегодняшний день бионических протезов руки, который на своем личном примере показал возможность и необходимость широкого внедрения новых технологий, чтобы сделать их доступными всем, особенно людям с ограниченными

возможностями. Алексей подробно рассказал о роли технологий в его жизни, о силе воли и силе духа в достижении спортивных результатов и продемонстрировал всем заинтересовавшимся возможности своего бионического протеза.

Во время «круглого стола», посвященного научным и социальным проектам Общественного движения «Россия 2045», была заслушана информация профессора Д. И. Дубровского о Втором международном конгрессе «Глобальное будущее 2045», прошедшем 15–16 июня 2013 г. в Нью-Йоркском Линкольн-Центре. Дистанционное выступление заведующего лабораторией нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктора биологических наук, профессора А. Я. Каплана сопровождалось демонстрацией бионической руки, управляемой импульсами из мозга.

Концептуальные идеи философов и ученых, стимулированные движением «Россия 2045», являются адекватными вызовам времени, позволяют не плыть по течению, но активно планировать и моделировать собственное будущее, ставить на службу конкретному человеку весь арсенал современных технологий. Таким образом, проблемы общества будущего, поиска человеческого в человеке, социальных последствий проектирования «пост» или «трансчеловеческого» явились главным лейтмотивом всей конференции. Акцент был сделан не на том, какие технологии способны преобразовать человеческий мир, а на том, какие последствия все эти изменения могут иметь и как они могут отразиться на самосознании человека, на его дальнейшем развитии.

АННОТАЦИИ

Ажимов Ф. Е. История философского образования на Дальнем Востоке России [с. 37–41]

В статье рассматривается развитие философского образования на Дальнем Востоке России. Автор обращает внимание на то, как эволюционировала научная и образовательная жизнь кафедры философии Дальневосточного федерального университета в контексте изменений статуса философской науки в СССР и России.

Ключевые слова: философское образование, Дальний Восток, Дальневосточный федеральный университет.

Баева Л. В. Проектное обучение в современном вузе: опыт применения стандартов CDIO для подготовки студентов социогуманитарных направлений [с. 28–36]

Все больше вузов включается во Всемирную инициативу CDIO для совершенствования своей работы. Миссия социогуманитарных факультетов в контексте CDIO — обучение студентов, в том числе используя проектный подход в обучении, умению решать реальные задачи.

Ключевые слова: CDIO, проектное обучение, интегрированный учебный план, компетенции.

Дианова В. М. Всемирный Философский конгресс в Афинах [с. 108–115]

Прошедший в августе 2013 г. в Афинах XXIII Всемирный философский конгресс рассматривается как событие не только профессиональное, но и значимое для культуры в целом. Дается краткий обзор мероприятий конгресса. Отмечается, что проведение конгресса совпало с 2400-летием основания Академии Платона, на территории которой проходила одна из сессий конгресса. Дается информация о состоянии археологической зоны Академии Платона, где ведутся раскопки, о планах по ее реконструкции, реставрации и восстановлению. Проводится мысль о синхронном существовании культурного наследия и реалий современной культурной жизни.

Ключевые слова: философский конгресс, участники, образ жизни, культурное наследие, академия Платона.

Кудашов В. И. Всероссийская научная конференция в Красноярске о глобальном будущем [с. 116–124]

На Всероссийской научной конференции «Глобальное будущее 2045: проблемы социальных и культурных преобразований» обсуждались проблемы общества будущего, поиска человеческого в человеке, социальных последствий проектирования «пост-» или «трансчеловеческого». Философы, социологи, физики, математики, биологи и общественные деятели предложили свое видение концепции выживания человечества в техногенной цивилизации и выхода из антропологического кризиса. Главный акцент был поставлен не на технологиях преобразования человеческого мира, а на том, какие последствия все эти изменения могут иметь и как они могут отразиться на самосознании человека, на его дальнейшем развитии.

Ключевые слова: будущее, трансгуманизм, человек, выживание, развитие.

Магомедов К. М. Некоторые составляющие новой концепции образования [с. 20–27]

В статье рассматривается тенденция «философизации» современного знания. Показывается, что вместе с научным прогрессом пропорционально растет степень значимости решения методологических и мировоззренческих проблем. Данная закономерность должна соответствующим образом отражаться и в образовательной сфере. Поэтому потребность в профессиональных философских кадрах неуклонно растет, и особенно в тех регионах, где не сложились традиции подготовки специалистов-философов. В Дагестане необходимость подготовки философских кадров обусловлена в том числе и сложной общественно-политической ситуацией.

Ключевые слова: философизация образования, формальная логика, многозначная логика, философские традиции, специализация по онтологии и теории познания, научная школа, национальная идея.

Никитин В. Е. Истина как ценность и иллюзия (Из размышлений над текстами Ницше) [с. 5–11]

Тема данной статьи во многом связана с интерпретациями взглядов Ницше, но, развивая ее, автор не смог уйти от современных проблем философского познания и статуса философии в современном технократическом обществе.

Ключевые слова: познание, истина, ценность, иллюзия, наука, метод, жизнь, вера, власть.

Орнатская Л. А. Проект философии культуры Х. Петцольда: философия культуры и эстетика [с. 84–99]

В статье рассматривается программа философии культуры, представленная в работе Хайнца Петцольда «Критическая философия культуры и/или эстетика». Критическая философия Петцольда основывается на двух основных источниках: критической теории Франкфуртской школы и теории символических форм Э. Кассирера. Главная мысль проекта — преодоление эпистемологического подхода к эстетике, характерного, по мнению автора, для Канта. В статье очерчивается предметное содержание критической философии культуры, теоретические и методологические возможности эстетики как аспекта философии культуры.

Ключевые слова: культура, критическая философия культуры, эстетика, искусство, современное искусство, современность.

Прокудин Д. Е. Методические основы преподавания информатики и информационно-коммуникационных технологий бакалаврам философских специальностей [с. 73–83]

В статье рассматриваются актуальные вопросы различных аспектов преподавания информатики и информационно-коммуникационных технологий как общей дисциплины для непрофильных специальностей в отечественном высшем образовании на уровне бакалавриата. На основе анализа тенденций развития методики преподавания этих дисциплин предлагается подход к выбору методической системы преподавания информатики и информационно-коммуникационных технологий как общей дисциплины будущим бакалаврам гуманитарных специальностей. В качестве примера используется опыт отбора содержания и конструирования курса «Информатика в гуманитарных науках» для философских специальностей, который преподается автором в Санкт-Петербургском государственном университете.

Ключевые слова: методика преподавания информатики и информационно-коммуникационных технологий, компетентностно ориентированный учебный план, информатика в гуманитарных науках, учебная дисциплина, информатика, информационно-коммуникационные технологии, информационная культура.

Рыбас А. Е. Основные подходы к изучению истории русской философии [с. 42–63]

В статье анализируются основные подходы к изучению истории русской философии, которые сложились в исследовательской литературе конца XIX — первой четверти XX в. и продолжают оставаться актуальными в настоящее время. Автор выделяет четыре наиболее важные стратегии истолкования истории отечественной философской мысли и ее проблематики: 1) религиозный подход, 2) сциентистский подход, 3) идеологический подход, 4) культурно-исторический подход. Показываются как преимущества, так и недостатки каждого из подходов, делается вывод о необходимости их синтеза для изучения истории русской философии и преподавания данной дисциплины в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: история русской философии, идеологизация, интерпретация, преподавание философии.

Смирнов А. В. Методические аспекты преподавания культурфилософской теории предметной среды [с. 64–72]

В статье рассматриваются методические принципы, лежащие в основе построения дисциплины «Материальная культура», входящей в состав учебного плана образовательных программ по направлению «Культурология». Концептуальным базисом дисциплины является культурфилософская теория предметной среды, основывающаяся на лингво-семиотической модели культуры. Это позволяет продемонстрировать значимость и валидность ряда теоретических моделей, используемых в современной философии культуры, и выработать у студентов навыки изучения современной социокультурной реальности, а также умение применять методы современной философии культуры к анализу ее исторических и современных форм.

Ключевые слова: предметная среда, материальная культура, семиотика вещей, вещь в культуре, семантика вещи.

Соколов А. М. Эротософия как античный образовательный принцип [с. 100–107]

Статья посвящена проблеме соотношения эстетического и онтологического аспектов в образовательных практиках античности. Автор рассматривает на примере платоновского диалога «Пир» динамику мировоззренческих моделей от мифопоэтического формата к рационально-ло-

гическому. Ключевым моментом трансформации мыслительного опыта он считает постановку вопроса об истине и актуализацию познающего субъекта, сосредотачивающего в себе всю полноту духовных практик. В статье подчеркивается, что диалог в экспозиции платоновской мысли предстает как когнитивный синтез эстетического, этического и логического принципов. Следовательно, пространство человеческого бытия оказывается исключительной предпосылкой открытия истины в ее непосредственной данности. В диалоге «Пир» этот момент представлен речью Алкивиада, конкретизирующего тему Эроса в личности Сократа.

Ключевые слова: диалог, диалектика, красноречие, истина, экзистенция.

Суворов Н. Н. Производство и разрушение истин: стратегии творчества [с. 12–19]

Статья посвящена проблеме связи стратегии творчества и методологии постмодернизма. Категории постмодернизма «ризом», «складка», «номад» и другие являются актуальными для творческой деятельности. Поверхность проблемного поля позволяет учитывать естественное движение события в координатах времени и пространства.

Ключевые слова: производство и разрушение истин, методология постмодернизма, стратегии творчества, ризом, складка, номад, пространство, время.

SAMMARIES

Azhimov F. E. The history of philosophical education in the Russian Far East [p. 37–41]

The article discusses the development of philosophical education in the Russian Far East. The author traces the evolution of scientific and educational life of the Department of Philosophy of the Far Eastern Federal University in the context of the changes that affected the status of philosophy in the USSR and modern Russia.

Keywords: philosophy education, Russian Far East, Far Eastern Federal University.

Baeva L. V. Project education in modern colleges: the experience of application of the CDIO standards for training students of the humanities [p. 28–36]

More and more institutions of higher education are taking up the World initiative of CDIO in order to improve their work. The mission of social and the humanities faculties in the context of CDIO is to use the project approach while teaching students to solve real problems.

Keywords: CDIO, project education, integrated curriculum, competences.

Dianova V. M. The World Congress of Philosophy in Athens [p. 108–115]

The 23rd World Congress of Philosophy held in August 2013 in Athens are considered not only as a professional academic event but also as a significant cultural event. It is noted that the Congress was held in the year of the 2400th anniversary of the foundation of Plato's Academy, and one of the sessions of the Congress was housed on the spot of the ancient academy. The information about the state of archeological zone of Plato's Academy where archeological excavations are being carried out is given. The author informs about the plans of its renovation and reconstruction as well. It is also argued that cultural heritage and the realia of modern cultural life can synchronically coexist.

Keywords: congress of philosophy, participants, lifestyle, cultural heritage, Plato's Academy.

Kudashov V. I. The All-Russian scientific conference in Krasnoyarsk about the global future [p. 116–124]

Problems of the future society, search of humanity in a person, social consequences of projecting “post-”, or “trans-human” being were discussed at the

scientific conference “The global future 2045: problems of social and cultural transformation” which took place in Krasnoyarsk. Philosophers, sociologists, physicists, mathematicians, biologists, and public figures offered their vision of how the humanity can survive under the conditions of technogenic civilization and avert the anthropological crisis. The main emphasis was put on what impact these changes may have upon and how they can affect the consciousness of man and his future development rather than on the technologies of transformation of the human world.

Keywords: future, trans-humanism, human being, survival, development.

Magomedov K. M. Some components of the new concept of education [p. 20–27]

The paper deals with the tendency of “filosofization” of the modern knowledge. It is shown that the progress of science causes methodological and worldview problems to be solved. This relates to the educational sphere as well. Therefore, the need for professional philosophers is growing steadily, especially in those regions where there have never been traditions of training specialists in philosophy. In Dagestan, the need for specialists trained in philosophy is determined by the complicated social and political situation.

Keywords: philosophization of education, formal logic, many-valued logic, philosophical traditions, specialization in ontology and epistemology, scientific school, national idea.

Nikitin V. E. Truth as a value and as an illusion (reflecting on Nietzsche’s texts) [p. 5–11]

The theme of this article is largely connected with the interpretation of Nietzsche’s views. However, while developing it, the author was not able to leave the relevant problems of philosophy undiscussed, including that of what position philosophy holds in the modern technocratic society.

Keywords: knowledge, truth, value, illusion, science, method, life, faith, power.

Ornatskaya L. A. H. Petzold’s project of philosophy of culture: philosophy of culture and aesthetics [p. 84–99]

The article discusses the philosophy of culture project presented in Heinz Petzold’s “Critical philosophy of culture and/or aesthetics”. Petzold’s critical philosophy is based on two main sources: the critical theory of the Frankfurt School and E. Cassirer’s theory of symbolic forms. The main idea of the project is to overcome the epistemological approach to aesthetics which was proposed,

according to the author, by Kant. The article outlines the set of problems the critical philosophy of culture deals with. Theoretical and methodological possibilities of aesthetics as part of the philosophy of culture are described.

Keywords: culture, critical philosophy of culture, aesthetics, art, modern art, modernity.

Prokudin D. E. Methodical bases of teaching informatics and information and communication technologies to bachelors of philosophical specialities [p. 73–83]

The article considers various aspects of teaching informatics and information and communication technologies as a general discipline for students of non-core specialities in the Russian system of undergraduate education. Having analyzed the tendencies of the development of the methodology of teaching these disciplines, the author offers an approach to choosing a methodical system of teaching informatics and information and communication technologies as a general discipline to future bachelors of the humanities. The author uses his own experience of elaborating the course “Informatics in the Humanities” for students of philosophical specialities which is given in St. Petersburg State University.

Keywords: methodology of teaching informatics and information and communication technologies, curriculum focused on competences, informatics in the humanities, academic subject, informatics, information and communication technologies, information culture.

Rybas A. E. The main approaches to studying the history of Russian philosophy [p. 42–63]

The article provides an analysis of the main approaches to studying the history of Russian philosophy which were elaborated in the research literature of the late 19th — the first quarter of the 20th century and continue to be relevant today. The author identifies four most important strategies of interpretation of the history of national philosophical thought and its problems: 1) religious approach, 2) scientific approach, 3) ideological approach, 3) cultural-historical approach. Both the advantages and disadvantages of each approach are shown. The author concludes that it is necessary to synthesize all the strategies mentioned above to study the history of Russian philosophy and teach this discipline in institutions of higher education.

Keywords: history of Russian philosophy, ideologizing, interpretation, teaching philosophy.

Smirnov A. V. Methodical aspects of teaching the cultural-philosophical theory of object environment [p. 64–72]

The article discusses the methodical principles of teaching the discipline “Material culture”, which is part of the curriculum of the educational programs of the “Culturology” specialization. The philosophical theory of object environment based on the linguo-semiotic model of culture is the conceptual foundation for the discipline. This allows to demonstrate the significance and validity of some theoretical models used in modern philosophy of culture and to develop students’ skills in studying the contemporary social and cultural reality, as well as in applying methods of modern philosophy of culture to analyze its historical and relevant forms.

Keywords: object environment, material culture, semiotics of things, thing in a culture, semantics of a thing.

Sokolov A. M. Erosophy as an ancient educational principle [p. 100–107]

The article deals with the relation of aesthetic and ontological aspects of educational practices in antiquity. By means of analyzing Plato’s dialogue “Feast” the author considers the dynamics of worldview models, from mythic-poetical to rational-logical ones. It is shown that the key moment of the transformation of mental experience was the question about truth and the actualization of cognizing subject which gathered in itself all the possible spiritual practices. The article emphasizes that the dialogue in the exposition of the Platonic philosophy appears as a cognitive synthesis of aesthetic, ethical and logical principles. Consequently, the space of human existence is a prerequisite for discovering the truth. In the dialog “Feast” this moment is represented by the speech of Alcibiades who developed the theme of Eros through analyzing the person of Socrates.

Keywords: dialogue, dialectics, eloquence, truth, existence.

Suvorov N. N. Production and destruction of truths: strategies of creative work [p. 12–19]

The article is devoted to the problem of how the strategies of creative work are related to the methodology of postmodernism. The notions of postmodernism “rhizome”, “fold”, “nomad” and others are necessary for creative activities. The surface of the problem field makes it possible to consider the natural movement of an event by means of time and space coordinates.

Keywords: production and destruction of truths, methodology of postmodernism, strategies of creative work, rhizome, fold, nomad, space, time.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ажимов Феликс Евгеньевич, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, доктор философских наук, профессор кафедры философии,
e-mail: humanities@dvfu.ru

Баева Людмила Владимировна, доктор философских наук, профессор, декан Факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета,
e-mail: baevaludmila@mail.ru

Дианова Валентина Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: v_dianova@mail.ru

Кудашов Вячеслав Иванович, зав. кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, доктор философских наук, профессор,
e-mail: philosophy@sfu-kras.ru

Магомедов Камиль Магомедович, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета,
e-mail: Magomedov49@mail.ru

Никитин Владислав Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: vladislav.nik@gmail.com

Орнатская Людмила Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: Nikaren1@yandex.ru

Прокудин Дмитрий Евгеньевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: hogben.young@gmail.com

Рыбас Александр Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: alexirspb@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович, доктор философских наук, доцент кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: darapti@mail.ru

Соколов Алексей Михайлович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета,
e-mail: docentsokolov@yandex.ru

Суворов Николай Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского университета культуры и искусств,
e-mail: suvorovnik@mail.ru

Материалы для опубликования в журнале «Философское образование» принимаются по электронной почте в виде текстового файла в формате Word. Желательна сплошная нумерация сносок. Объем статей не более 0, 5 п. л., объем рецензий и обзоров не более 0, 3 п. л. К рукописи прилагаются на английском и русском языках: название, резюме статьи (объемом не более 400 знаков) и список ключевых слов (не менее 8); фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью; ученые степени и звания; должность и место работы; библиографический список литературы; контактный телефон и электронный адрес.

АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
Философский факультет С.-Петербургского гос. университета.

ТЕЛЕФОН: (812) 328-44-08; факс (812) 328-94-21

Е-MAIL:

v_dianova@mail.ru — *Дианова Валентина Михайловна*, гл. редактор;
affo@philos.msu.ru — *Кротов Артем Александрович*, отв. редактор.

Научное издание

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

2014, 1 (5)

Все материалы печатаются в авторской редакции.

Компьютерная верстка *Н. Л. Балицкой*

Подписано в печать 8.09.2014 г.

Формат 60×84^{1/16}. 7,9 печ. л.

Тираж 150 экз.

Заказ № .

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.